БРЮС ФЕДОРОВ

КОЛУМБИЯ – ЛЮБОВЬ МОЯ

Брюс Федоров
Колумбия – любовь моя

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28738671
ISBN 978-1-37006-623-0

Аннотация

Прочтя очередную приключенческую книгу, порой задумываешься, а бывает ли так в жизни на самом деле? Или всё, что написал автор, есть не более, чем плод его воспалённого воображения?

Ну, а если бывает? Если есть такие судьбы, которые вмещают в себя события, которых хватило бы на сто других судеб? Тогда как?

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 14
Глава третья 23
Глава четвертая 32
Глава пятая 46
Глава шестая 64
Глава седьмая 93
Глава восьмая 125
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Брюс Федоров
Колумбия – любовь моя

О тех немногих, которые в эпоху перемен решились выйти из порочного круга забвения и приспособленчества и предпочли тернистый путь одиночек, сумевших не согнуться под бременем испытаний и начать воссоздавать свою жизнь с чистого листа, сохраняя в душе единственное, что у них еще оставалось, – свой собственный кодекс чести.

Я в весеннем лесу пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал…
Что имел – потерял, что любил – не сберег.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.

И носило меня, как осенний листок.
Я менял города, я менял имена.
Надышался я пылью заморских дорог,
Где не пахли цветы, не блестела луна.

И окурки я за борт бросал в океан,
Проклиная красу островов и морей,
И бразильских лесов малярийный туман,
Темноту кабаков и тоску лагерей.

Зачеркнуть бы всю жизнь и сначала начать,
Полететь бы опять к певунье своей…
Да узнает ли старая Родина-мать

Одного из пропащих своих сыновей?

Я в весеннем лесу пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал…
Что имел – потерял, что любил – не сберег.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.

Песня из кинофильма «Судьба резидента». Слова и напев Евгений Агранович

Copyright Брюс Федоров (Bruce Fedorov) 2017 год
izdat-knigu.ru edition

* * *

Глава первая

«Н-да, сегодня солнце превзошло самое себя. Похоже, невидимый кочегар высыпал в небесную топку все свои запасы первоклассного горючего антрацита. Нет толка от того, что я неподвижно лежу, будто вывалившаяся на палубу из невода селедка. От этого ничегонеделанья только хуже становится». Антон медленно подтянул под себя вначале одну ногу, потом другую и одновременно скинул их с опостылевшей кровати.

Было так томно, так жарко, что не хотелось без острой на то необходимости шевелить ни рукой, ни ногой. С энтузиазмом размахивающие своими лопастями-лопатами потолочные вентиляторы просто бесцельно взбивали тугой, набитый стопроцентной влажностью воздух, не принося никакого облегчения. Обнаженное тело, не желавшее принимать в этот полуденный час даже лоскут самой легкой одежды, было покрыто тончайшей пленкой противной скользкой испарины, от которой хотелось как можно быстрее избавиться.

«Тогда в душ, может, там полегчает». Антон прошлепал босыми ногами по полу из досок твердого эбонитового дерева, пересек большую продолговатую комнату, выполнявшую роль основного зала для отдыха, с размещенными в ней длинной барной стойкой и огромным полукруглым диваном из дорогой кожи красноватого цвета, в который к месту и не

очень были вмонтированы различные фигурные столики и подставки, на которые так удобно было ставить замороженные бутылки с отменным мексиканским пивом «Ла Корона» или высокие стеклянные фужеры с фруктовыми коктейлями.

Широкий поворот вентиля с синей кнопкой, обозначавшей подачу холодной воды, вызвал водопад струй, обрушившихся на подставленную в надежде на быстрое облегчение голову. Вода текла и текла, но не становилась прохладней.

«Наверное, те же тридцать градусов, что и в комнатах». Антон то поднимал плечи, то разводил лопатки, то вытягивал кверху руки, стараясь, чтобы вода проникла во все закоулки его молодого мускулистого тела.

«Странно, – продолжал размышлять он. – Вчера был дикий по своей разрушительной силе шторм».

Необузданные силы природы, казалось, вознамерились разметать по бревнышкам бамбуковый коттедж Антона. Невидимый в ночи Тихий океан ревел и стонал, изнемогая от охватившей его долго сдерживаемой ярости. Ветер с силой бросал в хрупкие стены и окна пригоршни тяжелых, как свинцовая дробь, водяных брызг, наваливался на хрупкое человеческое жилище своим могучим плечом, заставляя крытую металлической черепицей крышу грохотать так, будто с десяток морских чертей отплясывали на ней свою огненную дьявольскую тарантеллу.

И что же, наступил день, все успокоилось, как и не было,

и вернулось на круги своя.

Даже еще жарче стало. Что не говори, а тропики всегда остаются тропиками.

Как бы то ни было, но водная процедура оказала на него свое ожидаемое воздействие. Антон почувствовал себя бодрее. Теперь можно складывать мысли.

Накинув на плечи белое махровое полотенце, он подошел к чуть-чуть запотевшему большому зеркалу и принялся с любопытством рассматривать в нем неясные очертания своего обнаженного тела.

«Должно быть, это я, тот, кто прячется за этой призрачной вуалью из водяных капель. Такой же мутный и непонятный, как и моя нынешняя жизнь добытчика изумрудов и международного контрабандиста, – заключил он. – А что будет, если я сотру эту влажную испарину с идеально ровной поверхности зеркала? Может быть, тогда, я увижу в нем отражение другого человека, бывшего всего-то полтора года назад успешным бизнесменом в далекой, упрятанной за снежными горами и бескрайними лесами России».

В те стремительные нулевые годы двадцать первого столетия Антон быстро выучил нехитрую науку, как управлять доверием ближнего и сколачивать на этом миллионы. Но и тогда он был еще другим, совсем другим под своей третьей личиной, того совсем еще молодого парня, знавшего, что такое воинское братство. Это были времена, когда на нем ладно сидел зеленый камуфляж фронтового разведчика, а за пле-

чами была пристроена снайперская винтовка Драгунова. Тогда он, Антон Бекетов, еще верил в идеалы и в крепость данного слова и старался не задумываться на тем, кем и почему была развязана эта братоубийственная война на южных рубежах его Родины.

Антон неспешно пересек одну комнату, другую, сбросил по дороге на подвернувшийся деревянный стул ставшее никчемным полотенце и через широко раскрытый проем в стеклянной стене вышел на большую тенистую террасу, прикрытую сверху огромным непроницаемым для палящих солнечных лучей навесом.

Так во сколько же оболочек упакован каждый из нас, людей, всегда беспокойных, чем-то недовольных и постоянно требующих от жизни все новых наслаждений, а заодно и власти над этим миром, и, прежде всего, над себе подобными? Внутренний вопрос остался без ответа. Антон подошел к краю террасы и в нерешительности остановился, не решаясь поставить ногу на первую ступень лестницы, выводящей на раскаленную ленту желтого песчаного пляжа. Вместо этого он предпочел остаться в защитительной тени веранды и прислонился к одной из ее опорных круглых колонн.

Так будет хорошо – просто стоять безо всяких движений, лишь подставляя под ласковые прикосновения легкого морского бриза свое обнаженное тело, утомленное зыбким ночным сном.

Что может быть лучше, красивее, чем раскинувшийся пе-

ред тобой бескрайний синий океан и прокаленный полуденным пеклом песок, и разбросанные по дюнам островки вечно зеленных пальм, с обвисшими ожерельями из перезревших желтых кокосовых орехов? Разве можно уродовать эту совершенную картину, созданную самой матерью-природой, техническими причудами современного человека, изобретенными им для удовлетворения своего ленивого безразличия? Разве пробирающаяся по чешуйчатому стволу пальмового дерева шипастая игуана не более прекрасна, чем современная общество людей, обросшее бетонными конструкциями и чадящими в голубое небо трубами?

Природа не приемлет острых углов и примитивных геометрических построений, придуманных человечеством себе на потеху. Ну, а если будущие более продвинутые цивилизации однажды задумались бы над тем, какого памятника достоин современный человек со всеми его «достижениями», то, несомненно, им бы стала высоченная куча из миллионов тонн гниющих пищевых отбросов, щедро удобренная рваными пластиковыми пакетами, железными бочками и останками сломанных механизмов, до вершины залитая наподобие ромовой бабы густой глазурью из нефти и мазута.

«Ну ладно. Хватит об этом. Я здесь не для того, чтобы выносить приговор самому себе, коль я один из представителей этого ненасытного племени». Бросив еще раз взгляд на округлую подкову лазурной лагуны, на которой у причала неподвижно замерла его моторная яхта, Антон оторвал-

ся от колонны и вернулся в комнату отдыха, где первым делом направился к скрытому за панелями из красного дерева огромному рефрижератору с двумя дверцами. Распахнув его, он с удовольствием принялся обозревать стройные ряды покрытых тонкой вязью изморози пивных бутылок: «Ну что ж, скучно не будет», – и, выхватив две из них, понес их по направлению к низкому столу из толстенного голубоватого стекла.

Антон любил это место – небольшой островок в ста милях от тихоокеанского побережья колумбийского департамента Чоко, обращенного своим остроконечным мысом в сторону Панамы, – крохотная изумрудная жемчужина среди ультрамаринового океанского простора, обрамленная отрогами подводных коралловых рифов с голубым пятнышком уютной лагуны.

На острове проживало десятка два семей черных, как обгоревшие головешки, аборигенов, основным занятием которых была морская рыбалка, да бродили ничейные, то есть, по негласному закону, общие, худосочные свиньи с вытянутыми рылами и хлопотливые курицы, вечно занятые расклевыванием раковин морских моллюсков. Выуженные из морских глубин элегантные красавцы: дорадо, окунь или голубоватый тунец составляли основу питания местного населения, излишки которого они периодически вывозили на продажу на стихийные товарные рынки, разбросанные вдоль береговой линии южноамериканского континента. Сдав оптовым

торговцам свою рыбу и выручив за нее несколько тысяч песо замызганными мятыми банкнотами, они испытывали неподдельную гордость. Сердца наполнялись гордостью, а на загорелых лицах появлялось выражение крайнего довольства.

Никогда и никто не хвалил их за то, что они ежедневно выходили в океан на промысел на своих утлых баркасах с ненадежными, вечно чихающими вонючим дымком лодочными моторами. Никто на острове не называл их дела подвигом, никто не считал их риском.

Многочисленные изголодавшиеся семьи, ждавшие их возвращения на берегу, воспринимали работу рыбаков как обычное рутинное занятие, и потому островитяне редко воспринимали гибель своих сородичей как большое несчастье. Это была их привычная жизнь. Раз за разом одно поколение сменяло другое. Сегодня жить – умереть завтра – дело привычное и естественное, как восход и заход солнца. Место в лодках, вместо сгинувших в непроглядной пучине отцов, занимали их старшие сыновья, на худые плечи которых ложилась тяжкая забота по добыче пропитания для слабых и немощных.

Но вот в те редкие дни, когда в их дырявых карманах начинали шуршать бумажные деньги, эти бедняки превращались в королей момента, так как могли позволить себе купить для своих семей молока, кукурузных лепешек-арепас, недорогих шоколадных конфет, а лично для себя – бутылку жгучего агуардьенте. Как радостно было потом возвращать-

ся домой на свой родной забытый богом и людьми остров, потому что тогда они могли не отводить глаза под вопросительными взглядами своих вечно полуголодных детей и женщин. Гордость и почти исчезнувшее уважение к себе наполняли их бесхитростные души на несколько дней. Вместе с ними под утлые крыши ветхих хижин входил праздник, и начинали звучать смех и оживленные голоса довольных всем и вся домочадцев. Возникала атмосфера всеобщего довольства и безудержного веселья, на которое только было способно их непритязательное воображение.

Глава вторая

Антону нравился этот остров и его скромные и малозаметные обитатели. В кругу этих людей ему было спокойно и хорошо. Он говорил им то, что думал, и с удовольствием выслушивал их незатейливые рассказы о своей жизни, в которых было мало слов, но много искренности и простоты. Их нравы и образ жизни казались Бекетову лишенными всякой искусственности, и он воспринимал их как выражение природного естества.

Чтобы как-то отблагодарить аборигенов за их приветливое и доброе отношение к себе, он всегда стремился поделиться с ними частью продуктов из супермаркета, которые прихватывал с материка в те дни, когда намеревался посетить это чудесное место своего уединения. Однако больше всего у рыбаков ценилось топливо, которыми они заправляли лодочные моторы перед выходом в море, которому поклонялись как кормилице.

Понимая, какое значение имеет для них даже одна бочка бензина, Антон дал распоряжение Маноло, своему поверенному из числа костеньос, местных жителей тихоокеанской полосы Колумбии, в обязанности которого входила задача присматривать за домом и обеспечивать его снабжение всем необходимым, периодически доставлять на остров такую бочку и передавать ее в дар островитянам.

Поселенцы спокойно отнеслись к вторжению в их мир незваного белого чужака. Он их не трогал и не вмешивался в привычный распорядок жизни, и они платили ему взаимностью и не докучали излишним вниманием. Только неугомонные шоколадного цвета ребятишки иногда выскакивали из-под зеленого опахала пальмовой рощицы, окружавшей дом Антона, и таращили на него, как на диковинку, свои черные, как бусинки, глазенки. За свое неуемное любопытство и кривляющиеся смешные рожицы они всегда могли рассчитывать на небольшое, но такое приятное вознаграждение и с удовольствием уплетали цветную пастилу и другие фруктовые сладости, которые Антон всегда вручал им в руки лично при каждом их появлении. Все в этом изолированном от цивилизации уголке земли дышало первозданной чистотой.

В этом месте, запрятанном в заповедных тайниках тропического пояса планеты, блистало радостное солнце, гуляющий над бескрайними водными просторами вольный ветер наполнял легкие влажным и теплым воздухом, заставляя загорелое обнаженное тело нежиться в его ласковых объятиях.

Величавый Тихий океан, в отличие от вздорной, набитой ураганами красавицы – Карибского моря, в основном предпочитал задумчиво дремать, не слишком донимая поселившихся на крохотном островке суши людей. Но иногда, видимо, раздражаясь на своевольство забывшегося в своих проказах человечества, неожиданно пробуждался и показывал свой грозный характер. И тогда он неудержимо начинал бу-

шевать, разбрасывая гроздья своей ярости по всем странам и континентам. В эти моменты люди и звери в панике замирали перед его необоримым могуществом и в страхе прятались от его гнева, распихивая свои хрупкие тела по горным пещерам, за стекляшками бетонных строений и в глубине бездонных вод.

На метеостанциях датчики, контролирующие погоду, срывались в бешенный ритм, регистрируя все новые экстремальные значения. На околоземных орбитах электронными хороводами носились космические аппараты, транслируя в исследовательские центры петабайты информации, взрывая серое вещество в головах умудренных опытом научных мужей, заставляя их делать поспешные и некорректные заключения. Уж пусть лучше он сам утихомирится и укротит свой грозный нрав.

Антон любил этот остров. Любил не потому, что кто-то рассказал ему о нем или посоветовал побывать на его желтых песчаных пляжах. Он любил этот уголок земного рая еще и потому, что самостоятельно открыл его. Можно сказать, натолкнулся на него совершенно случайно, когда безотчетно носился по волнам, обкатывая свою новую, с иголочки, только что купленную моторную яхту класса «Predator». Это была его любимица, по-настоящему дорогое существо, которым он не уставал восторгаться и потому придумал для него вызывающее имя «Хищник», которое, в общем-то, являлось прямым переводом с английского. Элегантная, с плавными

красивыми обводами, модным укороченным флайбриджем, со стремительным спортивным характером, который поддерживался двумя мощными моторами, она не плыла, а летела, едва касаясь поверхности морской стихии. Особенно хорошо было сидеть за рулем на открытой верхней палубе. Тогда ветер наваливался всей своей вихрастой грудью, стремясь сбросить вниз, в закрученные винтами белопенные буруны, ну а если не удавалось, то принимался яростно лохматить волосы и закидывать голову и руки гроздьями соленых брызг, которые было так приятно слизывать с мокрых губ. Это был вызов самому себе и дикой необузданной силе природы, которую если нельзя было одолеть, то можно хотя бы попытаться сравняться с ней в бесстрашной отваге.

Люди с континента так и не смогли точно подсказать ему, как же называется этот остров. Кто-то, порывшись в глубинах памяти, неуверенно заявил, что слышал в детстве название «Сан-Кристобаль», другой, не согласившись, настаивал на том, что на этом месте находится всего лишь выступающая из океана скальная гряда с плоской, будто срезанной ножом вершиной, и больше ничего. Старики поговаривали, что в далекие времена капитаны испанских каравелл, нагруженных по самую палубу золотом, серебром и драгоценными камнями из сокровищниц захваченной ими империи инков, прокладывали маршруты своего пути до благодатных берегов Панамы таким образом, чтобы обойти это гибельное место.

Ходили слухи, что немало гордых океанских парусников и славных моряков нашли свой страшный конец в этих водах, натолкнувшись на скрытые под водой коралловые щупальца, протянувшиеся от угрюмых утесов далеко в море. Обитатели самого острова вообще никак его не называли, потому как не видели в этом никакой нужды.

Удовлетворившись услышанными рассказами, Антон посчитал, что вправе сам придумать для него подобающее имя, и с легким сердцем внес в мореходную карту недостающую пометку – остров Buena Suerte (остров Счастливой Судьбы).

«Почему бы не устроить здесь себе некое убежище? – спросил он себя, когда впервые ступил на эти, как показалось с первого взгляда, необжитые берега. – Чем не подходящее место для личного уединения, чтобы никто не мог донимать меня надоедливыми звонками, визитами, встречами? Здесь есть все, что надо для обретения внутреннего спокойствия: песок, пальмы, голубая лагуна и много солнца, ветра, и самое главное – уходящий за горизонт океан».

Маленькая деревушка, населенная немногочисленными и всегда чем-то напуганными рыбаками-аборигенами, не могла служить помехой для создания комфортной атмосферы отдыха и полного релакса. Ни тревог, ни печали. Только небо и звезды по ночам.

Лишь инженер-строитель из подрядной фирмы, взявшейся за возведение на острове небольшого шале, все не мог успокоиться и регулярно приговаривал:

– Ну объясните мне, сеньор Антонио, зачем вам дом на этой куче песка и камней? Нет, конечно, вы не подумайте чего плохого. Мы сделаем все, что вы посчитаете нужным. И дом, и причал для вашей великолепной яхты мы построим в лучшем виде с использованием самых передовых технологий. У вас будет умный дом, оснащенный солнечными батареями и резервной мобильной электростанцией. Пробурим скважину для самой чистой в этих краях питьевой воды. Поставим спутниковое телевидение и интернет. Нет, нет, не подумайте, что я чем-то хочу обидеть вас. Упаси бог. Но поверьте мне, что за такие деньги вы можете легко приобрести чудесный коттедж с эксклюзивной архитектурой в одном из элитарных частных компаундов, расположенных в пляжной зоне, но вдоль континентального побережья, а не здесь, в этом заброшенном краю, где обитают лишь примитивные существа, более похожие на животных, чем на людей. Ни аэродрома, ни современной клиники. Одним словом, никакой цивилизации.

Антон отмалчивался и лишь изредка снисходительно поглядывал на расторопного, но все же излишне суетливого инженера, хотя неплохого в общем парня. Ну что он может сказать ему? То, что на этом острове он надеется обрести, пусть даже на короткое время, ощущение полной свободы? Никто не будет докучать ему своим присутствием и неуместными и такими надоедливыми разговорами на ничего не значащие темы. Разве это не прекрасно – почувствовать себя, пусть

даже на мгновение, неотъемлемой частью этого вечного мироздания? Приехать сюда одному, скинуть с себя смешную цивильную одежду и вместе с ней целый ворох невидимых оков, которые опутывают его изо дня в день и опустошают его физически и эмоционально.

Он даст роздых своему утомленному мозгу, занятому ежечасными размышлениями о сохранении бизнеса, в котором порхают и кружатся неутомимые случайные люди и людишки, которым от него постоянно что-то надо, а ему от них. И такие же женщины с горящим взором, облизывающие свои пересохшие от нетерпения губы и озабоченные мыслью о том, как бы поскорее оказаться в его объятиях и залезть поглубже к нему карман.

Может ли знать этот говорливый колумбиец, что ничего нет лучше на земле, чем нестись на полных парах на аквабайке, выворачивая рукоятью максимальную скорость, или, подхватив длинную гавайскую доску, с разбега броситься в шипящий от жары и соли океан и выгребать руками навстречу вскипающим на отмелях волнам, чтобы, выбрав одну из них, самую высокую и длинную, взобраться на ее вихрастый гребень и, вскочив на своего пенополиуретанового коня, стремительно заскользить вниз, ловко огибая водяные ухабы и косогоры?

И вот тогда, если повезет и получится, со всего разбега ворваться в ревущую, составленную из мириад капель вихревую трубу и скрыться в ней, прочерчивая ладонями ее подат-

ливые своды и разглядывая через ее изумрудную крышу голубое небо и блистающее в зените солнце. В такие моменты восторг рвется наружу из раздвинутой груди, и с души смывается черная краска бытия, а острое и перченое, как разжеванный зубами зеленый перец чили, ощущение того, что я живу, смотрю и дышу, воспринимается каждой клеточкой напряженного тела, и восторг судорожными спазмами сжимает горло.

И тогда, только тогда возникает чувство безмерного счастья.

Нет, он не будет рассказывать этому любопытному парню о том, что там, за северной окраиной острова, между хищно раздвинутыми скальными клыками кипят, упираясь в каменистое морское дно, гигантские водовороты и, наталкиваясь на них, разворачиваются в сторону океана могучие океанские течения, гоня перед собой огромные водяные валы. Там и только там можно подбросить вверх на удачу монету судьбы – чет-нечет, жить-умереть. Там бурлит коловращение жизни. Там нет места лжи, обману и угодничеству. Только там одна царствует украшенная венцом из светоносных изумрудов чистая и ясная, как горный кристалл, истина – кто чего стОит на этом белом свете. Туда нет прохода слабакам и нытикам, приспособленцам и предателям. Там, за пиршественным столом славы, риска и подвига сидят и вздымают вверх заздравные кубки самые смелые и отчаянные, честные и отважные.

«Это мое сокровенное, не предназначенное для внешнего потребления, – думал Антон, с улыбкой поглядывая на смутившегося инженера. – Почему бы мне не назвать мое жилище как-нибудь поромантичней. Скажем, „Хижина русского Робинзона“ или, как вариант – „Дом, который построил себе Тони“. Простенько, но со вкусом».

Глава третья

А пока что он, опустошив очередную бутылку пива и звучно стукнув донышком о поверхность барной стойки, сдвинул ее в сторону, туда, где уже сгрудились несколько ее стеклянных предшественниц.

«Включить, что ли, телевизор, – вялая мысль пронеслась в его голове. – До вожделенного заката осталось каких-то два часа. Чем-то развлечь себя на это время надо. Соваться на пляж в такое пекло смысла нет, а бездумно сидеть под тенистым покровом пальм – себе дороже».

Его взор принялся обшаривать незамысловатую обстановку гостиной и наконец остановился на предмете, который так упорно искал и который просто лежал на раздерганной кипе жанровых журналов в цветастых глянцевых обложках. Антон взял в руку пульт управления, щелкнул красной кнопкой выключателя и принялся бесцельно переключать программы ожившего плазменного телевизора. Светящаяся точка раз за разом со скоростью света пересекала диагональ широкого жидкокристаллического экрана, выбрасывая на полотно миллионы пикселей, которые мгновенно складывались в картинку какой-нибудь передачи на местную политическую тему.

«Нет, участвовать в этом клубе по интересам я, конечно, не буду». Пальцы, как по клавиатуре рояля, пробежались

по кнопкам, выхватывая из эфира то говорящие головы, то взлетающего над планкой прыгуна в высоту, то чьи-то намазанные помадой губы, увещевавшие зрителей в необходимости всенепременно сорваться с места и бежать в ближайшую торговую лавку, чтобы прикупить, например, вкуснейшую и лучшую в мире сырокопченую колбасу «Мечта гаучо». В конце концов всплыло нечто, на чем можно было остановить внимание. Некая музыкальная дива, почти всосавшись широко раскрытым ртом в микрофон и поблескивая отполированными зубами, то вскидывала вверх голову под ослепительные лучи софитов, то резким движением бросала ее вниз, рассыпая длинные каштановые волосы чуть ли не до пола.

«Ну что ж, это подойдет. – Антон отложил пульт в сторону. – Похоже, этой милашке самой нравится эта песня, иначе с чего бы она, как в экстазе, раздвигала бы ноги и приседала, демонстрируя свои шелковые трусики?» В конце концов мелодия, исполняемая в умеренном ритме из смеси сальсы и болеро, захватила его и заставила всматриваться в выпяченные ягодицы и задвинутые в камеру подпружиненные груди.

Как там имя этой красотки? Нидия? Ну, вот и хорошо. Почему бы не послушать ее выступление? Развлекает и размышлять не мешает.

Он подошел к кожаному дивану и, подкинув под голову кожаную подушку, растянулся на нем, подложив под затылок ладони. Так легче было лежать, смотреть и размышлять о

чем-нибудь отвлеченном. Мысли одна за другой переносили его в дни минувшие.

«Ведь не случайно оказался я на этом острове? Как-никак прошло полтора года, как я оставил Россию. Так кто я теперь? На первый взгляд, бизнесмен средней руки, владелец земельного участка и небольшой шахты по добыче изумрудов в Колумбии. Почему подвернулась именно эта страна? Наверное, тоже не случайно. Как-никак в инязе испанский был у меня вторым языком. Что еще?»

С первых поездок понравилась Латинская Америка. Своим размахом, необычностью. Поэтому, пожалуй, и решил заранее присматривать себе в этих краях позиции на всякий непредвиденный горький случай. Мало ли каких сюрпризов можно было ожидать от родной отчизны. И оказалось, как в воду глядел. Накаркал себе на голову беду. Вот тогда и пригодилось наличие анонимных номерных счетов в Белизе и незапятнанное второе гражданство.

А что Колумбия? Не хуже других стран, а может, даже получше будет по ряду аспектов. Страна во всех отношениях уникальная. Есть все и для каждого на любой вкус: крокодилы и нефть, оружие и изумруды. А еще золото и, конечно, кокаин. Куда же без него. И все эти чудеса густо замешаны на густом привкусе хронической гражданской войны, затянувшейся лет на пятьдесят. Чем не раздолье для человека с железной хваткой и инициативой, готового сторицей оплатить входной билет в закрытый элитарный круг аван-

тюристов, гангстеров, бандитов из эскадронов парамилитарес, агентов международных спецслужб и продажных политиков?

Есть чем похвастаться, и, что поразительно, при всем при этом – предсказуемая экономическая обстановка и весьма устойчивый курс национальной валюты. И еще этот взрывной, упертый национальный характер выносливого, закаленного испытаниями и невзгодами народа, с которым непросто договариваться, но зато можно дела делать.

Недаром в сороковые годы прошлого века в бредовых головах американцев зародилась идея сделать из Колумбии некую выставочную модель для рекламы своих доморощенных «демократических» ценностей.

Пусть другие: сальвадорцы, гватемальцы, боливийцы, чилийцы – обзавидуются и толпой побегут выстраиваться в очередь к хозяину Белого дома: мол, мы тоже все хотим в ваш американский рай по тому же сценарию. Не получилось. Эксперимент на то и эксперимент, чтобы издалека через увеличительное стекло посмотреть на полученные результаты. И сделать выводы. Не у себя же дома месить кровавое тесто, присыпанное наркотической пудрой. Поглядим еще, какой пирог из него спечется. Авось пригодится и найдется еще кто-нибудь, который потянется за очередным ядовитым куском. Чудаков много. А мы опять подождем, а если плохо ему станет, то и лекарство подкинем, спасем, чтобы не загнулся. Не бесплатно, конечно.

Одним словом, не просто страна, а «Локомбия»[1], как некоторые называют эту изумрудную красавицу.

Антон Бекетов встал со своего дивана и прошелся по комнате отдыха, зачем-то растирая ладонью одной руки предплечье другой. Может быть, для того, чтобы унять неожиданно возникшее у него безотчетное ощущение какого-то внутреннего неустройства?

«Отчего бы мне не выпить еще пива?» Решительно ничего лучшего в этот жаркий полуденный час он и придумать не мог, а потому повернулся и подошел к барной стойке, на которой уже успела сформироваться внушительная группка из пустых бутылок из-под «Короны». «Одна, вторая… Всего пять. Нет, хватит. Иначе перебор. Я и так слышу, как в животе с бульканьем перекатывается жидкость».

Чтобы проверить это предположение, Антон даже покачал бедрами.

– Нет, вроде бы все нормально. Показалось. Места для новой заправки хватит, но без ажиотажа, – сказал он сам себе и бросил взгляд на телевизионный экран, который все так же продолжал грохотать барабанными палочками, взвизгиванием саксофона и воем соло-гитары – все ради того, чтобы неугомонная Нидия смогла в полной мере продемонстрировать возможности своих голосовых связок.

«Эта песня меня уже больше не развлекает». Антон вернулся на террасу, выдвинул на середину деревянное крес-

---

[1] Loco (исп.) – «сумасшедший».

ло-качалку с парусиновым сиденьем, в котором с удовольствием устроился для того, чтобы было сподручнее обозревать океанские дали и пересчитывать белые барашки, периодически вскипающие на тягучих волнах. Прошло время, и постепенно стало вечереть. Солнце уже не так ожесточенно жалило своими ультрафиолетовыми иглами золотую гладь пляжа и осмелившихся появиться на нем смельчаков.

«Ну а если по-другому взглянуть на мою судьбу в ее нынешнем виде, то я всего лишь беглец из России, скрывающийся на дальних берегах. И не более того». Столь печальный вывод не удивил и не огорчил его. Он давно был понятен ему.

Интерес вызывала лишь цепочка событий, загнавшая его в этот дальний конец света. Окончил институт, хороший, один из лучших в Москве, можно сказать. Жизнь представлялась ясной и просматривалась на многие годы вперед, как убегающие вдаль отполированные до блеска рельсы одноколейки. Стоишь на ней, и в сердце растет уверенность, что это твой путь.

Однако нежданно и негаданно подкрались девяностые годы. И понеслось. Разругался вдрызг с родителями и ушел в армию, потому что хотел остаться самим собой, а главное – чтобы не видеть творящейся кругом вакханалии. Может быть, по этой причине вызвался добровольцем на первую чеченскую и раз двадцать ходил в рейды на сопредельную территорию. Корежил себя, свой ум, процеживал себя по мо-

лекулам через сито смертельного риска. Не помогло. Оказалось, что на войне то же, что и на гражданке, только прямее, грубее, жестче. Демобилизовался по собственной воле, отмахнувшись от посулов командиров и новых орденов. Вернулся. Москва мало изменилась – разудалая и развязная, как подгулявшая проститутка. Кто девушку ужинает, тот и имеет. В сладковатой алкогольной дымке вприсядку и по-всякому носились пьяные от власти и шалых денег нувориши.

Вспомнив былое, Антон криво усмехнулся и принялся, не вставая с кресла, шарить рукой по полу в поиске бутылки пива. Да, было времечко. Однако после того, как на указательном пальце спусковой крючок натер мозоль, от прежних принципов осталось ничтожная толика, значительно меньшая, чем была раньше, до наступления «светлой» эры дикого капитализма. Ваучеры, финансовые пирамиды, заоблачная обналичка – несложный инструментарий для лихих сверхдоходных операций. Выкупить по дешевке собранные по спившимся деревням ваучеры и приобрести на них за бесценок простаивающие заводы и прилегающие к ним производственные территории, а затем быстро, с ходу продать все за твердую валюту, навернув процентов этак тысячу, – чем не заманчивое дело? И напарник, Никита, проверен в бою, недолго, но все же был в строю, оказался проворным парнем. Ловок, ловок во всем, даже слишком.

Антон встал со своего места. Дальше ворошить память явно не хотелось. Что добавить ко всему случившемуся: из

ниоткуда возникшее уголовное дело, две подписки о невыезде, две отсидки в КПЗ, скучные допросы у следователя, чьи несистемные вопросы навевали мысль о том, что он отбывает некую навязанную кем-то обременительную повинность? Скорое и неожиданное освобождение и дельный совет от «верного» друга Никиты, и как итог – ночной вылет в Европу на ближайшем рейсе. И вот он здесь, в Колумбии, а в России невеста Ольга, перебежавшая к другу вслед за всем бизнесом, недвижимостью и наполненными банковскими счетами. Нечего сказать, действительно ловкий партнер и верная любовь с клятвами и жаркими поцелуями.

Довольно предаваться грезам о прошлом. Путь в Россию закрыт. Может быть, навсегда. Ничего и никто его там не ждет, кроме «ласковых» сотрудников уголовного розыска.

Антон решительно встал со своего места.

Уже стемнело. Луны по каким-то особым причинам не было, зато по черному бархатному небу точечными огоньками щедро рассыпались звездные светлячки, и оттого днем блиставший золотом песчаный пляж сейчас выглядел как пролитое свежим дождиком гудронное шоссе, по которому он и пошел на звук тяжелого дыхания отступившего в глубь океана отлива. С каждым шагом почва под ногами становилась все более плотной и более влажной – это был уже не привычный рыхлый песок, а обнажившееся морское дно. Вот и водяные ручьи завихрились вокруг щиколоток, и вода подступила к груди. Антон, вытянув сжатые в кулаки ладони

над головой, погрузил тело в океан и, мерно взмахивая руками, поплыл в сторону открытого океана. Наконец-то скопившееся от воспоминаний напряжение в груди, ногах и голове, а главное – в душе, стало покидать его. Его будущее не где-то там сзади, в прошлом, а впереди, где на линии горизонта один за другим вспыхивали на мачтах сигнальные огни рыбацких судов, разворачивающих снасти для ночного лова.

Глава четвертая

Маленький «Бомбардье» шустро взмыл в рассветное небо и, растолкав крыльями тонкие, нитеобразные облака, уверенно лег на привычный курс между Кибдо и Боготой. Слегка заспанная стюардесса, ловко балансируя подносом, прошла по проходу, предлагая немногочисленным пассажирам утреннего рейса ароматный колумбийский кофе, понимая, что в этот ранний час нет лучшего средства для того, чтобы стряхнуть с себя остатки дремы.

Антон, выбравший себе место в хвосте салона, чувствовал себя превосходно. Три дня на волшебном острове не прошли бесследно. Обуревавшие его прежде сомнения исчезли. Теперь он знал, что и как делать, чтобы сдвинуть с места свой застывший было бизнес. Молодое крепкое тело насытилось морским воздухом и запахом гниющих водорослей и требовало физической любви. Он надеялся, что успеет застать Кармен еще до того, как она выйдет из подъезда своего дома, сядет в маленький красный «Пежо» и отправится на нем в свой офис. Чтобы отвлечь себя от будоражащих мыслей, он открыл обложку иллюстрированного журнала «Карас» и попытался сосредоточиться на прочтении очередной версии бесконечного сериала домыслов. Его внимание привлекла история, почему красавица и бывшая первая леди США Джеки Кеннеди так быстро успокоилась после

трагической смерти своего блистательного мужа и отдала себя в объятия миллиардера-сластолюбца Онассиса. Но прочитанные Антоном несколько окрашенных эротикой пассажей лишь подогрели возникшее у него желание, отчего часовой полет до столичного аэропорта «Эль Дорадо» стал казаться невообразимо долгим и плохо переносимым.

После приземления, лишь только «Бомбардье» устало прислонился боком к гофрированному выходному трапу, Антон выскочил из чрева самолета с такой стремительностью, как это делают только пожарные, вынужденные в спешке покидать горящее и готовое рухнуть здание. Разыскав стойку заказа такси, он буквально выхватил из рук служащей посадочный талон и вскоре мчался, сидя на заднем сиденье желтого автомобиля, по автостраде в направлении просыпающегося большого города. Наконец, скрипнув резиновыми скатами, такси притерлось к высокому бордюру тротуара напротив трехэтажного дома с большим фронтальным палисадником, в котором на втором этаже жила его креольская красавица.

От нетерпения он начал даже притопывать ногой, дожидаясь, когда же на его настойчивые звонки откроется входная железная калитка с замысловатым витым узором. Оказавшись перед дверью хорошо знакомой квартиры, Антон с возрастающим напряжением стал прислушиваться, стараясь уловить первые звуки приближающихся торопливых шагов. Дверь распахнулась, и в световом проеме возникла завер-

нутая в белый махровый халат фигура весьма миниатюрной молодой женщины, ростом не выше ста шестидесяти, которая, судя по еще мокрым волосам, только что покинула душевую кабину.

– Откуда ты? – только и успела спросить Кармен, зажимавшая, будто для защиты, левой рукой ворот халата.

Ничего не говоря, Антон подхватил молодую женщину на руки и понес в глубь большой, хорошо обставленной квартиры, с удовольствием ощущая кожей проникающее через тонкую ткань тепло ее тела. Миновал длинную прихожую, квадратный холл с широко распахнутыми ставнями, узкий коридор и в итоге, толкнув ногой дверь, вошел в просторную спальню, главным элементом которой была массивная двуспальная кровать из красного дерева с высоким пружинным матрацем. Постель еще не была прибрана и поэтому сохраняла манящий беспорядок.

Резко наклонившись, отчего Кармен от неожиданности вскрикнула, он положил ее на смятую простыню, одним рывком развязал пояс и распахнул полы халата. Он хорошо знал это прекрасное хорошо сложенное тело, не раз целовал его, стараясь изучить все его овалы и скрытые ложбинки, намеренно затягивая момент, когда наконец начнет наслаждаться ими. Но сейчас его, как тогда, давно, в первый раз, охватила оторопь, и он застыл, поддавшись очарованию ставшей доступной ему женской красоты.

На несколько секунд мучительное и дикое по своей при-

роде желание заняться безудержным отвязным сексом, которое до предела вскипятило его молодую кровь, покинуло его. Антон стоял у края кровати и любовался совершенной красотой, а Кармен просто лежала и спокойно всматривалась в лицо этого молодого и сильного европейца, еще не до конца понимая, какие мысли владеют в данный момент ее любовником.

Она не протянула к нему с немым призывом свои округлые руки с маленькими розовыми ладошками, не поманила изящным веером из тонких, суженных к ногтям пальчиков. Кармен выжидала, по-женски интуитивно доверяясь внутреннему чувству, которое подсказывало ей, что в данной ситуации дальнейшее развитие событий будет определяться исключительно мужчиной.

Антон не мог оторваться от ее широко раскрытых глаз, в которых черные зрачки, как ему показалось, разлились по всему глазному яблоку. Они неудержимо притягивали его, все сильнее и сильнее, будто подсказывали, что ему разрешено погрузиться в эти бездонные озера целиком, с головой, и утонуть в них, если потребуется, и пусть это событие случится сейчас и ни секундой позже.

Пиджак полетел в сторону, звучно треснули и оторвались, казалось, крепко пришитые пуговицы рубашки, хлестко ударил по руке вырванный из шлевок кожаный ремень с тяжелой медной бляхой и полетел далеко в сторону. Туда же вслед ему упорхнули, взмахнув голубыми с белизной штанинами,

и джинсы.

Острое, пронзительное до головокружения ощущение заполнило весь организм Антона.

Других мыслей, кроме одной, не было – за эти мгновения можно отдать и вечность.

Пальцы мяли податливые груди, зубы искали раскрытые, с уже нанесенной дневной помадой, губы Кармен. Еще, еще, никакого самоограничения и сдержанности, пусть страсть сама решает, когда придет разрядка, и неудержимыми всплесками разрядит себя всю без остатка. Молодая женщина видела перед собой взбугрившееся грудные мышцы мужчины, чувствовала в себе его глубокое присутствие, ощущала дерганые и временами ожесточенные рывки, которые больше причиняли ей боль, нежели сладостное удовольствие.

«Что это с ним? Откуда этот бешеный порыв? Мы не виделись лишь две недели, и вот поди ж ты, такая обостренная чувственность. Что он делал? Где был все это время? С кем виделся? Я ведь, по существу, так мало знаю о нем». Не найдя ответы на свои вопросы, Кармен слегка втянула в плечи голову, как это делает тропическая мимоза, сворачивая свои листочки, при грубом к ней прикосновении. «Сколько в нем непредсказуемости, неожиданности. Или русские мужчины все такие?»

Немного успокоившись, Антон решил, что еще не готов покинуть долгожданное и только что обретенное убежище, и

поэтому продолжал ритмично покачиваться, дожидаясь прилива нового желания. Щеки его разгладились, из глаз исчезли яростные искорки. Руки принялись, уже не спеша, осторожно оглаживать бока, ноги и ягодицы подруги. Расцепившиеся зубы открыли проход языку, которым он нежно пробежался по губам Кармен. Настойчиво раздвинул их, толчками пробираясь к нёбу и деснам молодой женщины, которая, подчиняясь прикосновениям Антона, стала отвечать на ласки и все чаще целовала его щеки и шею, и наконец, подобравшись к мочке уха, чуть прикусила ее.

И, может быть, напрасно сделала это, так как укус был воспринят как вызов, столь древний и однозначный, как само время. Так делает волчица, прихватывая ухо выбранного ею на роль «супруга» самца, а если тот по причине типичной мужской отупелости не воспринимает ее хитрости, то и подбодрит его клыками, пройдясь пару раз по бокам и плечам своего «нареченного». Мол, соображай. Время пришло. Мне нужна твоя близость, и не просто так, а потому, что я хочу от тебя пушистых и таких милых пузанов-волчат.

Мускулистое тело Антона вновь окаменело. Внутри его опять проснулся сохранивший еще много сил зверь, который с рыком ринулся вперед. Время нежности прошло.

Перед глазами Кармен все закрутилось. Временами она даже не понимала, где верх, а где низ. То лежала на груди Антона, вдавливаясь своими сосками в его соски, то, перевернувшись, щекой прикладывалась к подушке и с каждым

толчком все глубже погружалась в нее, то, вобрав в себя побольше воздуха, оказывалась на бедрах своего партнера и еще острее чувствовала его присутствие в себе. Теперь ей было очень хорошо. Волна редких по своей силе ощущений захлестнула ее. То, что копилось в ней и заполняло все ее существо, требовало выхода, быстрого и яркого, как блиц молнии.

– Тони, да я же на работу опоздаю, – почти в бессознательном состоянии прерывистым голосом произнесла она, перемежая слова стонами.

Теперь было сложно сказать, кто из них больше нуждался в продолжении. Пожалуй, оба, так как осознали, что слились в одно целое и что это не очередное грехопадение, а начало всех начал, исток всего сущего.

Стены комнаты раздвинулись до пределов мира, через открытое окно ветер раздувал тюлевые занавески и будто опахалом овевал их разгоряченные неутолимой жаждой тела. И так продолжалось до тех пор, пока он не почувствовал, что его амбары выметены до последнего семечка, а она призналась самой себе в том, что исчерпала весь запас фейерверков на неделю вперед. Наступило отдохновение от пережитого, и оба погрузились в тихую негу нетревожного блаженства. Теперь ничто не нарушало тишину, в которой временами звучали негромкие слова взаимных признаний, а ласки стали неторопливыми и нечастыми.

Рука Антона вытянулась вдоль тела, и ладонь почти пол-

ностью прикрыла ее распухшие и истомленные губы, а кончик ее язычка легкими прикосновениями слизывал капельки пота с его плеча, одну за другой.

Теперь он мог полюбоваться тонким профилем подруги, главным украшением которого был чуть-чуть вздернутый кверху носик с овальными четко вырезанными ноздрями. Его взгляд заскользил по потолку и стенам спальни, отмечая все новые и новые детали обстановки, до того скрытые от его взора пеленой страсти. Скомканная простыня, съехавшие набок подушки, в беспорядке разбросанная одежда – все свидетельствовало о том, что здесь недавно бушевали неподконтрольные разуму страсти. Насторожила лишь слегка приоткрытая входная дверь, ведущая в их интимный будуар.

Неужели Каролина, тринадцатилетняя дочь Кармен, стала свидетельницей их интимных восторгов? Наверняка ведь могла услышать их возню, а может, что-то и увидела? В тропиках девочки быстро созревают и превращаются в женщин. А любовь и все, что связано с ней, в эти годы становятся главным предметом повседневных размышлений и ночных мечтаний, которые так сильно тревожат их юные романтические головки. Пришедшая мысль неприятно поразила Антона.

Если это так, значит, он проявил непозволительную для взрослого мужчины неосмотрительность и поступил как вздорный мальчишка, который, впервые увидев обнаженную девичью грудь, в замешательстве не знает, что надо сделать

в первую очередь: то ли поспешно стянуть штаны, то ли стереть со своих губ пузырящиеся от плотского желания слюни.

Антон даже повел плечами от неудовольствия самим собой.

– Если ты беспокоишься о Каролине, то она ушла в лицей еще ранним утром. Так что мы одни в квартире. – Кармен будто разгадала его мысли. В голосе ее все еще чувствовалась томная расслабленность, говорящая о том, что она еще полностью не отошла от испытанных переживаний:

– Ты у меня чудо, Антонио. Я так благодарна судьбе, что встретила тебя. Может быть, на этой неделе ты еще заедешь ко мне? – Она не решилась попросить его, чтобы он приехал сегодня вечером и остался с ней на ночь. Вторичное появление в ее доме ретивого любовника могло оказаться излишним. Она получила все, что хотела, и отдала ему все, что смогла, и потому боялась разрушить то очарование, в котором пребывала в последние шестьдесят минут. Повторение могло обернуться ненужной рутиной.

Кармен опасалась превратить восторги чувственной любви в обыденность и обыкновенность. Нет, она не может позволить никому, даже самой себе, разрушить великолепный воздушный замок, который старательно возводила своими руками все последние шесть месяцев, с того дня, как впервые повстречала Антона и заинтересовалась им как мужчиной.

– Да, наверное, через несколько дней. Я завтра уезжаю на

прииск, Кармен, – в тон ей осторожно произнес молодой любовник и добавил: – Я буду скучать там без тебя.

Это было правдой, но лишь наполовину, так как он не мог быть уверенным в том, что именно хотела узнать от него его подруга, и потому подобрал обычные дежурные слова, которые часто произносят влюбленные мужчины, пребывая в святой уверенности в том, что они говорят как раз то, что ожидают услышать от них их подруги. Бесхитростные мудрецы, пребывающие в неведении перед лицом вечной загадки, имя которой – внутренний мир женщины.

– Вот и замечательно. – Кармен приподнялась на локте и прижалась губами к Антону в долгом поцелуе. – А теперь в душ. Время не ждет.

Оба одновременно встали с постели и, обнявшись, вместе прошли в душевую комнату. Лежавшие на бедрах Кармен ладони Антона чувствовали, как при движении переминаются ягодицы молодой женщины, и от этого ощущения ему становилось приятно. Оно будоражило его, и он вновь начинал чувствовать внутри себя тягучие приливные волны желания.

А потом влюбленные долго стояли под струями хлынувшей сверху воды. Она одновременна холодила и согревала их тела. Это ли не достойная кисти мастеров Возрождения картина, когда стоишь под ниспадающим водопадом и смотришь, как водные потоки омывают дорогие тебе щеки, губы, шею, груди? Не в эти ли молчаливые минуты возникает стойкая привязанность друг к другу, когда ладони сами по

себе принимаются собирать в пригоршни мириады капель и раскладывать их по животу любимой, а затем сантиметр за сантиметром соскальзывают вниз, так глубоко, пока не коснутся входа в самый таинственный лабиринт в мире, от которого ни отойти, ни оторваться нет никаких сил.

Вернувшись в спальную комнату, Антон, быстро натянув джинсы и накинув на плечи рубашку, устроился в кресле. Так было сподручнее наблюдать, как Кармен прибирает и охорашивает себя, готовясь к длинному рабочему дню. Она то и дело подходила к двустворчатому платяному шкафу, последовательно доставала из него различные платья-футляры или костюмы-двойки, прикладывала их к шее и потом критически рассматривала себя в большом настенном зеркале.

Признав ошибочность сделанного выбора и скривив губы, отбрасывала вещи на небольшой диванчик и вновь возвращалась к шкафу, из которого разноцветными стайками опять начинали вылетать диковинного покроя блузки, жакеты, шейные платки и шарфы.

Утомившись примеркой даже больше, чем постельной акробатикой, Кармен наконец остановилась на классическом темно-синем костюме, составленном из пиджака с узкими укороченными рукавами и подбитыми кверху плечиками, к которому прилагалась утонченная юбка-карандаш, светло-кремовое жабо, а заодно и синие туфли с закрытым мыском. Итак, надлежащий дресс-код подобран. Затем наступила самая волнующая часть церемонии облачения.

Антон не отрываясь следил за всеми деталями сложного процесса подбора наиболее интимной части женского туалета. В этот день Кармен предпочла надеть на себя тонкие кружевные трусики и такой же одноцветный полупрозрачный бюстгальтер, который подтянул вверх ее и без того большие округлые груди. Вокруг талии был пропущен поясок с подвязками, и она наконец приступила к самой вызывающей части процесса и принялась раскатывать синие лайкровые чулки по своим стройным ногам, которые поочередно поднимала и ставила на подлокотник кресла, на котором расположился Антон.

Долго выносить такое манящее зрелище он был уже не в состоянии и при каждом удобном случае старался провести рукой по ее продолговатым икрам, поцеловать ее колени или хотя бы захватить на мгновение в свою ладонь ее маленькие ступни с крохотными ровными пальчиками и аккуратно подрезанными, выкрашенными темно-вишневым лаком ноготками.

Кармен делано хмурилась, хлопала ладошкой по его рукам и время от времени произносила слово «Tonto» (дурачок).

«Какая сложная у женщин задача – каждый раз так мучиться, чтобы одеть себя для выхода в свет. И так каждый день», – размышлял Антон, наблюдая, как Кармен, упаковав себя в сложнейший комплект из непонятных и загадочных для него вещей, теперь устроилась на пуфе перед туалетным

столиком и принялась подправлять брови, чернить ресницы и выравнивать карандашом линию губ, которые в итоге закрасила пурпурной помадой.

«Это, конечно, здорово, что я мужчина и мне не приходиться ежедневно заниматься подобной мурой», – заключил Антон и подошел к своей подруге, которая теперь расчесывала щеткой свои длинные вьющиеся волосы и между прочим не забывала искоса через зеркало наблюдать за реакцией своего верного кабальеро. Заметив его пристальный взгляд, она слегка улыбнулась и намеренно медленным движением надела на безымянный палец золотое кольцо с крупным изумрудом, после чего подвесила к ушным раковинам такие же серьги, его подарок, и повернулась к застывшему в нерешительности мужчине.

Вуаля, сеньорита, ваш выход на подиум конкурса красоты. Нервным и припадочным просьба не смотреть.

Антон невольно залюбовался, очарованный победоносной женской красотой, и, подчиняясь внутреннему порыву, протянул к молодой женщине руки, чтобы заключить ее в свои объятия.

– Нет, нет, дорогой мой, – хрустальными переливами прозвучал ее голос. – Я уже на службе, и нам пора выходить.

На ходу застегивая рубашку и подхватив на руку пиджак, Антон последовал за своей любимой, с удовольствием на ходу рассматривая ладную фигуру удалявшейся от него Кармен.

«Какая замечательная женщина, и как повезло, что она стала моей».

Глава пятая

Уже на улице, задержавшись у своего автомобиля, Кармен спросила Антона:

– Ты сейчас куда? Может быть, подвезти?

– Поеду в отель. Отсыпаться, – ответил тот, чувствуя, что у него потихоньку начинает ломить шею. Напряжение спало, и организм просил покоя, а для этого нет ничего лучше, чем просторная кровать и хорошо взбитые подушки. Ничего другого ему уже не хотелось.

– Только отдых, отдых, а завтра махну на свой прииск. Нужно кое-что отрегулировать, наладить.

– Ну да, конечно, – слегка улыбнулась женщина. – Значит, опять в свой отель? Не надоело? – Кармен испытующе заглянула ему в глаза.

– Да нет. Нормально. – Антон снимал в своей гостинице просторный номер со всеми удобствами, которые вполне соответствовали его скромным холостяцким потребностям.

– Пусть так. Хорошо. – Кармен подняла голову и оценивающе взглянула на сереющее небо, прикрытое низкими нависшими тучами. – Наверное, во второй половине дня дождь будет. Должно быть, так. – Она даже зябко поежилась от такого предположения, представив себе, что скоро пойдет дождь и мелкие холодные капельки начнут попадать к ней за шиворот. Погода в Боготе осенью неустойчивая, хотя на тер-

мометре стабильно +19i °С. Но вот горы… Все дело именно в них. Там, за далекими вершинами, копятся перенасыщенные влагой облака, а потом, набравшись сил, неспешно переползают на крутые склоны и по ним скатываются в долину, накрывая и сам город, и проживающих в нем людей нудной рассыпчатой моросью.

Кармен подошла к Антону и протянула ему для прощания руку. Он с удивлением посмотрел на нее, неуверенно забрал в свою ладонь ее хрупкие пальцы и вдруг почувствовал, как они притягивают его к себе.

Антон наклонил было голову, чтобы поцеловать ее улыбающиеся губы, но Кармен отстранилась и подставила ему шею, давая понять, что целовать ее в данный момент можно исключительно только в это место на ее теле. После чего села за руль автомобиля.

Элегантная, уверенная в себе молодая женщина. Белый «BMW Z4» заурчал мотором и рванул с места в карьер, на ходу раскрывая зев откидного верха.

Антон постоял минуту, вглядываясь в удаляющуюся точку и чувствуя, как накопившаяся за последние сутки усталость все больше одолевает его. Одновременно к нему пришло и чувство некоего освобождения. Когда любви слишком много – это тоже не очень хорошо. Ему почему-то захотелось стряхнуть с себя ощущение зависимости, которое неизбежно возникает у любого сильного мужчины, когда он очень увлечен женщиной. Восторги интимных отношений, драма-

тические признания отошли в прошлое. Сейчас более всего он хотел выспаться, а потом привести в порядок свой внутренний мир, и так растревоженный размышлениями, которым он предавался во время своего недолгого одиночества на острове Счастливой Судьбы».

– Тогда как можно скорее в отель «Текендама». – Он стал выискивать глазами среди проносящихся мимо машин столь необходимую в эту минуту желтую раскраску и спасительную надпись – «Такси».

Между тем Кармен Изабелла Долон – таково было ее полное имя – все нажимала и нажимала педаль газа, ускоряя бег своего стального коня. Она уже открыла перчаточный ящик, достала из него защитные очки и теперь с удовольствием подставляла лицо встречному ветру, который, обогнув ветровое стекло, иногда прорывался к ней и тогда принимался игриво развевать ее волнистые локоны. Она любила скорость, любила риск, не такой, который называют отвязным и бесшабашным, а тот, который позволял комфортно пощекотать нервы и впрыснуть в кровь порцию адреналина. На работу она уже не торопилась. Была охота? Пусть ее капризный и суетливый шеф подождет.

Относительно пустые и узкие улочки, по которым она проносилась, выросли в главные городские магистрали, вынуждая ее лавировать, чтобы протолкнуться между многочисленных автомобилей самых диковинных марок и размеров. Она рассчитывала побыстрее попасть на центральную

авениду, которая должна была вывести ее в район, где располагался головной офис компании. Тяжелые траки-грузовозы натужно гудели, предупреждая об угрозе столкновения, легковые автомобили дружески перекликались друг с другом резкими сигналами клаксонов. Каждый хотел вырваться из утомительных городских пробок как можно быстрее. Кармен все было нипочем, но после того, как двигавшийся рядом с ней громадный грузовик пыхнул в салон «БМВ» черным облаком выхлопных газов, она решила, что с нее достаточно и хватит ехать с открытым верхом. Кроме того, ей надоело делать вид, что она не замечает, как мужчины-водители из попутных машин через одного опускали боковые стекла и пытались посвистываниями и неразборчивыми словами привлечь ее внимание. Она и без их помощи знала, что красива, и давно научилась покорять сердца представителей «сильного» пола.

Как всякая избалованная мужским обожанием женщина, Кармен была немного капризна и не всегда прощала чрезмерную навязчивость. Какое ей дело до чужих восторгов и призывов? Когда ей нужно, она всегда сумеет выбрать лучшего из них и найти ему место, где-то между домашней болонкой и обнаглевшим от обилия орехов попугаем-какаду, который каждое утро верещал у нее под окном.

Поэтому она, не раздумывая, нажала на две кнопки и вернула на свои места складную крышу и боковое остекление своего «багги». В салоне восстановилась тишина, и конди-

ционер принялся интенсивно выгонять наружу остатки бензольных паров. Кармен включила радио и быстро настроилась на нужную частоту. Из динамика полилась бравурная мелодия песни в исполнении очаровательной девушки Мэдисон Бир. Подчиняясь ритму ударника, высокий голос выводил:

> You are so wrong that it makes you right.
> Keep me wide-awake at night,
> I can't sleep now I know you are around[2].

Незамысловатые, если не сказать нелепые стихи, но они вполне соответствовали настроению, в котором пребывала Кармен Долон. Последняя встреча с Антоном представилась ей бешенным аллюром, которым они пронеслись по арене всевозможных любовных утех, на которые была способна их фантазия. Это было хорошо, настолько хорошо, что даже сейчас, за рулем автомобиля, ей казалось, что у нее между ног до сих пор присутствует ее любовник. Чтобы снять это странное ощущение, Кармен время от времени плотно сводила ноги и шуршала лайкровыми чулками только для того, чтобы убедиться, что это не так.

Своего первого мужчину она познала в пятнадцать лет. Вначале было больно, и Кармен ничего не поняла. Потом,

---

[2] Ты так неправ, но это и делает тебя правым.Не дай мне уснуть всю ночь.Я не смогу уснуть, ведь я знаю, что ты где-то рядом. (англ.)

осматривая себя, увидела кровь, и это испугало ее, но не потому, что эта была первая кровь. Нет. Она уже успела ознакомиться с этой стороной жизни и знала, что кровь на протяжении всей жизни сопровождает каждую женщину, с самого начала. Она выслушивала откровения своих сверстниц, заботливые пояснения матери и согласно кивала головой.

Тогда, в тот в самый первый день, все было по-другому. Она запомнила смутный, колеблющийся облик мужчины, его успокаивающие слова о том, что так должно быть и какая она красавица, и приняла их безотчетно и без чувства. Ничего примечательного не случилось. Не было никаких восторгов, никаких признаний, ничего из того, что ей доверительно нашептывали подруги.

Возможно, это был своего рода ритуальный обряд инициации, который должна пройти каждая невинная девушка. Возможно, но таких слов она не знала и лишь подумала о том, что детство ушло безвозвратно и она стала другой и достаточно взрослой, чтобы попытаться понять открывшейся перед ней мир взрослых людей. Она до седых волос будет помнить этого мужчину, одного из друзей ее отца, который впервые обратил еевнимание на нее, еще угловатую девочку-подростка, и заставил подчиниться мужской силе. Много позже она лучше осознает обаяние этой притягательной власти, помогающей женщине через покоряющую мужскую волю ощутить томительную сладость женского естества.

Впереди ее ждали встречи и другие объятия. Было заму-

жество и множество цветов и гостей, и очень мало любви. Она так и не смогла понять, почему этого похрапывающего на боку человека она должна звать своим мужем. Рождение дочери привнесло в ее жизнь значимость и вызвало чувство благодарности судьбе за то, что она подарила ей счастье стать матерью и почувствовать требовательные толчки в грудь маленького язычка и услышать причмокивания розового ротика, вытягивающего из ее сосков молоко. С мужем рассталась легко и больше не вникала в его попытки пробиться в жизни уже не в Колумбии, а в Техасе, где он устроился инженером на нефтеперерабатывающем предприятии. Короткие, ни о чем не говорящие письма и денежные переводы на содержание дочери – большего от него не требовалось. Поэтому согласие на развод дала легко, не раздумывая, так как успела освоить премудрости, как может отстоять себя одинокая женщина.

Теперь в ее жизни все устроено. Хорошая, потому что высокооплачиваемая, работа. Покорный и подвластный начальник, который вымолил у нее снисхождение к его мукам. И, безусловно, Антон Бекетов, который метеором ворвался в ее судьбу и которому она с облегчением сдалась, как говорится, «на волю победителя». Раньше она не встречала в мужчинах сочетания столь противоречивых качеств. В жизни такой яростный и неукротимый, как дикий иноходец, идущий на «битву» без страха в глазах и сомнения. Авантюрист, флибустьер, готовый выступить один против всего ми-

ра. И такой нежный, внимательный, умеющий укачивать ее на своих мускулистых руках, как в самой уютной в мире колыбели. Откуда он находит эти проникающие в самое сердце слова и где научился искусству быть таким безудержным в любви?

И при этом расточительно щедрый, заваливающий ее украшениями и деньгами, к которым она стала все больше привыкать. Начинающий изумрудный «король». Как она любит прятать свое лицо в его светло-русых волосах и целовать его сильное тренированное тело. Как он отличается от привычных местных кабальеро, всегда высокопарных и чрезмерно слащавых. Неужели его порывистость и непредсказуемость характерны для всех славян, о которых она почти не слышала и никогда не видела, а лишь догадывалась, что они владеют самой суровой на Земле северной страной? Северянин, первопроходец, дошедший до орхидейных берегов Южной Америки.

Такого не удержать, не уговорить и не поставить в домашнее стойло, но, как всякая упрямая женщина, она будет до конца надеяться, что ей в конце концов удастся накинуть на него уздечку.

В своем маленьком отзывчивом сердце она нашла места сразу для двух любовников, хотя искренне считала, что у нее есть только один по-настоящему любимый человек – ее Антонио, а своего шефа подпускала к своему роскошному телу изредка, и то лишь тогда, когда замечала в глазах перепол-

нявшее его отчаяние.

Отдавалась шефу без угрызений совести, без внутренних борений. Просто так было надо – вот максимальное объяснение, которое она готова была дать по этому поводу, не часто вспоминая этого суетливого, обремененного большой семьей пятидесятилетнего человека. Хочет ее? Тогда пусть будет для нее покровителем и защитительной ширмой.

Наконец, после крутого поворота перед Кармен выплыл указатель – «21 Калье». Ну все, доехала. Белый кабриолет нырнул в черный проем подземного гаража и, накрутив три витка по узкой спирали рампы, устало приткнулся к парковочной стенке с огромным номером 47, выведенным жирной люминесцентной краской.

Скоростной лифт сноровисто вознес ее на двадцатый этаж огромного, с затемненными стеклами, пенала здания, в котором располагалась нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая компания «GEOECOPETROL S. A.».

Кармен Долон бодро застучала каблучками по проходу, который вел ее между многочисленными застекленными офисными клетями, в которых стрекотали факсы, стучали клавишами компьютеры и на разные голоса перезванивались телефоны. За столами сидели сосредоточенные клерки, уткнувшиеся носами в продолговатые экраны мониторов. Рабочий день был в полном разгаре.

Увидев Кармен, ей навстречу из-за своей загородки выпорхнула ее давняя подруга Лусия и зашептала на ухо, опас-

ливо косясь в сторону начальственного кабинета:

– Он в ярости. На всех орет и ругается. Успокой его поделикатней как-то.

Кармен лишь снисходительно улыбнулась и без колебания толкнула дверь с обрисованной золотым кантом табличкой, на которой было написано пышное имя и звучная должность: Хосе Эстебан Рауль Корвальо, директор департамента территориального развития.

Достопочтимый сеньор Эстебан был на взводе. И то сказать:

– Опоздать на три часа! Никого не предупредить! Нарушить мои указания! Да что она себе позволяет?! – кипятился он. – В конце концов, она только моя помощница! – Возмущению директора департамента не было пределов. Так его игнорировать, а ведь он входит в число высших иерархов одной из самых могущественных компаний Колумбии. – Да, я люблю ее, но так цинично пользоваться моей благосклонностью – по меньшей мере бесчестно! – Дон Корвальо накачивал и накачивал себя праведным гневом. – Пусть только она пересечет порог моего кабинета, и ей не избежать заслуженной нахлобучки. Она услышит справедливые слова!

Дверь кабинета распахнулась, и в комнату впорхнуло нечто, более похожее на голубое облако в изумрудных блестках и с алым росчерком зари на губах, чем просто на женщину. Сеньор Эстебан оторопел. Заранее подготовленная стройная тирада из аргументированных доводов и грозных

упреков стала рассыпаться так же быстро, как размывается под накатом волны хрупкая песчаная пирамида, возведенная детской рукой на морском берегу. Он был не просто очарован, он был подавлен, сражен. Что он может противопоставить этой неземной красоте? Разве позволительно бранить божество, которому готов поклоняться и возносить хвалу, как языческому идолу?

Хосе Эстебан Рауль Корвальо относился к той породе мужчин, которые стремятся выглядеть на службе жестокими деспотами, мытаря своих подчиненных, и превращаются в угодливых щенков, визжащих у ног своей строгой хозяйки. Таким он был у себя дома перед лицом своей супруги, таким же оставался и в отношениях с Кармен Долон, перед которой благоговел и больше всего боялся, что она его когда-нибудь оставит. Стареющий, обремененный заботами и семейными проблемами сеньор. Что он может еще предложить своей возлюбленной, кроме гарантированной высокооплачиваемой должности? Какие сверхдостоинства как мужчина он готов объявить, чтобы произвести впечатление на победоносную, не знающую снисхождения молодость? Разве самому себе, несмотря на отличную тройку, сшитую по парижским лекалам, с черными набрильянтиненными волосами, рассеченными белым пробором, которые уже присыпала первая белая пороша, порой не казался услужливым лакеем, надеющимся на скромные «чаевые»? И только. Кроме того, дон Эстебан был скуп и предпочитал расплачиваться за свои

любовные интрижки деньгами компании, то есть зарплатой, которую и так ежемесячно получала сеньорита Долон.

Кармен стояла перед его начальственным столом, слегка отставив в сторону ногу в блестящей лакированной туфельке. Левая рука с изумрудным браслетом лежала на талии, подпирая перетянутые широким ремнем со скошенной пряжкой бедра, а правая придерживала маленькую изящную сумочку из крокодиловой кожи, висевшую у нее на плече.

– Если у тебя, Хосе, есть что сказать, говори, а если нет, то я, пожалуй, пойду к себе на рабочее место. Меня дела ждут, – всем своим видом говорила она.

– Послушай, Карменсита, мисс Долон… – Фигура босса довольно быстро утратила грозные очертания, а голос, вместо того чтобы обрушить суровые упреки на голову виновницы, неожиданно стал тихим и робким, превратившись в просительные увещевания:

– Ты, то есть вы должны понять меня. Вы отсутствуете полдня. Я беспокоюсь, не знаю, что думать. Я тебе, вам столько звонил. Где твой телефон?

Кармен молча указала на свою сумку.

– Я тебя ни в чем не упрекаю. Нет, нет. Вы не подумайте ничего такого, но и меня прошу правильно понять. Есть существующий распорядок, а главное, мое положение. В департаменте и так все перемигиваются. Шепчутся, что директор уже не тот, оказался на вторых ролях, чуть ли не стал подкаблучником у своей подчиненной. Поверь, мне непри-

ятно слышать эти сплетни. Ты ведь знаешь, с каким чувством я к тебе отношусь, но я считал и считаю, что мы друг друга поняли, договорились. В конце концов, мой авторитет важен не только для меня, но и для тебя.

Дон Эстебан так разнервничался, что уже не мог усидеть за своим столом, а потому встал и начал мерить кабинет шагами, постепенно приближаясь к продолжавшей неподвижно стоять своей помощнице. Не дойдя до Кармен, он развернулся, подошел к входной двери и запер ее на задвижку. Он не хотел, чтобы кто-то случайно зашел в кабинет и стал свидетелем интимного разговора. После чего оказался лицом к лицу с Кармен.

– Но что же ты молчишь? Почему не отвечаешь мне, Карменсита? – почти умоляющим голосом произнес он. Аромат дорогого женского парфюма окутал его. Голова стала кружиться. Опять он ничего не может поделать с этой своевольной женщиной. Опять она подавляет его волю и превращает в покорное существо, в своего раба. Хотя, что греха таить, ему сладостно подчиняться такой неукротимой женской силе.

– А что я, собственно, должна вам ответить, дон Корвальо? – подчеркнуто насмешливо произнесла она. – Я все еще не поняла, с кем я разговариваю, то ли с начальником, то ли с… – фразу Кармен не закончила, а лишь пристальнее вгляделась в глаза Хосе Эстебану, который к этому моменту уже чувствовал себя окончательно потерянным, так как сумел за-

метить под глазами своей любовницы легкую тень усталости, которую не смог прикрыть даже нанесенный дневной макияж. Интуиция подсказывала ему, что и вызывающая поза молодой женщины, и ее опоздание на работу, и признаки усталости на лице свидетельствовали только об одном. О том, в чем он не желал признаться даже самому себе, – его любовница провела бурную ночь в объятиях другого мужчины. Ревность костлявой рукой сжала его сердце, на мгновение заставив кровь приостановить свое движение. О все святые великомученики, сейчас он потеряет сознание. Что он должен сделать в этой ситуации? Лучше всего было бы собрать остатки мужества и выплеснуть в лицо неверной обольстительнице все свои справедливые обвинения, а может быть, даже ударить рукой. Почему нет? В конце концов, мужчина он или нет? Но как это сделать, когда тело вдруг одеревенело, а руки налились свинцовой тяжестью и гирями обвисли вдоль туловища?

«Нет, нет, только не это. – Мысли растревоженным роем проносились в его сразу вспотевшей и растревоженной голове. – Тогда она уйдет, и уйдет навсегда. Гордая, своенравная, как дикая степная кобылица». Зря вообще он затеял этот разговор. Почему не придумал чего-нибудь другого, попроще – скажем, с улыбкой встретить ее и слегка пожурить? Глядишь, все бы обошлось, и они бы сейчас говорили бы об отвлеченных и незначительных вещах, о том, о чем он мечтает каждую ночь, ложась под бочок давно опо-

стылевшей супруги.

Что хорошего осталось в жизни? Восторги медового месяца двадцать пять лет назад уже давно выветрились из супружеских отношений. Многолетняя привычка постепенно, но верно делала свое дело. Осталось лишь жить друг с другом не любя, а так, больше по привычке. А все оттого, что еще в университете взял себе за правило – все делать по расчету, со смыслом. Нужна карьера – пожалуйста, женился на уродливой дочке своего начальника и немедленно получил доступ к высокодоходной должности в крупной компании, куда стремился попасть каждый, чтобы оказаться в этаком закрытом клубе для посвященных. Теперь уже деваться некуда. Прошедшие годы сцементировали круг высокопоставленных и таких нужных «друзей». Подросли дети, вытянулись, поумнели, стали противоречивыми, непонятными, но всегда такими требовательными. Дай то, дай это, а в итоге не так сказал, не то сделал. Цепи, неразрывные цепи до конца жизни.

– Так как же я должна обращаться к вам, сеньор Хосе Рауль Эстебан Корвальо, директор департамента, на ты или на вы? – повторила свой вопрос Кармен голосом, в котором чувствовался такой неприятный, такой пронизывающий холодок. Он всегда был ей неприятен, этот человек. Со своими ужимками, со своими многословными заверениями в любви. Что он знает о ней? А она сама? Зачем согласилась на эти опостылевшие отношения? Может быть, для того, чтобы, лежа под ним, закусывать от презрения к нему и к себе

губы? Или для того, чтобы терпеть его похотливые ласки и с омерзением ощущать его липкие щупающие пальцы и видеть оплывшее, без мускулов, тело с отвислым животом? Да, правда, он обеспечил ей место в этом оазисе материального благополучия и даже снял небольшую квартиру для личных потаенных встреч. Ну и что? Это в уже в прошлом. Приелось. Что с того, что он помог ей в сложный момент жизни, когда она разводилась с мужем? Ну так и она платила ему сторицей за все «благодеяния»: своим молодым телом, своими поцелуями, вливая в него своим дыханием новые жизненные силы. Разве не так? Так пусть он лучше остережется и не оговорится, не сделает ничего такого, чтобы могло окончательно отвратить ее от него. Пусть уж лучше промолчит и тогда, может быть, все останется на своих местах. Ему ли равняться с Антонио Бекетовым?

В кабинете повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь негромким шуршанием кондиционера. Несколько раз звякнул и быстро затих служебный телефон, стоявший на приставном столике.

– Извини меня, Кармен. Я не хотел сказать ничего дурного. Я вообще не то говорю, когда нахожусь рядом с тобой, – почти прошептал дон Эстебан, чувствуя нарастающую слабость в ногах. Уж лучше опуститься на колени перед этой неприступной мадонной и вымолить себе прощение. Он обхватил руками бедра Кармен и вжал свое лицо в синее платье ниже ее живота. – Конечно, ты, только ты, всегда ты. И

зови меня Хосе, как прежде звала. Если бы ты знала, как я люблю тебя. Без тебя мне жизни нет. Я весь твой до конца. Ты прости, прости меня. Пойми, как мне сложно, как я связан ужасными обязательствами. Не оставляй меня. Ты у меня единственная в жизни отрада.

Он продолжал и продолжал что-то путано бормотать о своей любви, о том, что его никто не понимает, что, по существу, он очень одинок и несчастен, и если бы не она, то… Говорил, всхлипывал и опять принимался говорить все так же сбивчиво и невнятно, стоя на коленях и все крепче прижимаясь к ее ногам, будто опасался, что она сейчас вырвется из его рук, вспорхнет и улетит от него навсегда.

Кармен стояла и не пыталась его оттолкнуть. Пусть выговорится этот безвольный слабый человек. Она слышала егое горячечные признания, но они не трогали ее. Ни сейчас, никогда. Но он ей нужен, еще нужен. Ей ли судить его, коль у самой душа неспокойна. Как бы она была счастлива, если бы на безымянном пальце засверкало обручальное кольцо, как она ждала, что его наконец наденет ее Тони. Ведь только с ним она почувствовала себя настоящей женщиной, прикрытой надежной мужской дланью. Если бы она смогла обуздать его неукротимую натуру, то не было бы на земле более счастливой женщины, чем она. Об этом готова молить небеса каждый день.

В конце концов, Кармен не была жестокосердной женщиной и потому просто положила ладонь на склоненную голову

Хосе Эстебана, как это делает любая всепрощающая мать, стараясь успокоить свое расстроенное потерей любимой игрушки дитя.

Глава шестая

Колумбия – южноамериканская красавица. Ласкает ее яркое солнце, заглядывает на рассвете в чудные кофейные глаза с поволокой, смотрящие поверх снежных шапок Кордильер в далекую синюю даль двух океанов, и любуется венком из красных и фиолетовых орхидей, вплетенных в ее каштановые волосы. Веет над ее головой вольный ветер, играет и не наиграется складками вечнозеленого платья, сшитого лучшим в мире кутюрье с таким благозвучным и неповторимым именем – Амазония. Висят на шее золотые мониста, а на запястьях переливаются изумрудные браслеты. Текут по ее долинам бурные реки, гремят на склонах хрустальные водопады, а недра вспучиваются от избытка первоклассной нефти. Краснеет ягодами в обрамлении затейливых овальных листочков королева джунглей – кока, превращенная находчивыми белыми проходимцами из священного символа врачевания гордых индейцев в их проклятие и наказание.

Живет на просторах удивительной страны необыкновенный народ – гремучая смесь из отчаянных людей, доплывших когда-то в заповедные времена до ее желтых берегов со всех краев и земель, таких же непознанных и загадочных, как и их пламенная кровь, вскипающая при словах «риск» и «свобода». Всем раскрыла она свои гостеприимные объ-

ятия: и горделивым, вечно жадным испанским конкистадорам, и хладнокровным и расчетливым немцам, и задумчивым оливковым арабам, и веселым неугомонным африканцам, и, конечно, предприимчивым и циничным англосаксам, превративших эту страну в зону политических экспериментов и гражданских конфликтов.

Трудяга «Форд Бронко» добросовестно накручивал на свои резиновые скаты километры пятьдесят шестого шоссе, ведущего из Боготы в сторону долины реки Чипор, может быть, самой удивительной и притягательной в мире водной артерии, потому что по ее берегам громоздятся небольшие, не более километра в высоту, горы Мусо, в недрах которых на протяжении миллионов лет в тиши и глубокой тайне вызревают лучшие в мире изумруды.

Правая рука Антона Бекетова безо всякого напряжения придерживала тонкий обод большого рулевого колеса, а левая свободно свисала из открытого створа окна и лишь слегка подрагивала в такт движению автомобиля. Впереди было еще без малого три часа пути. Можно рассеяно следить за дорогой или всматриваться в холмистое взгорье, сплошь покрытое зелеными шапками из крон тропического ореха, магнолии и широколиственного дуба. А можно периодически раскрывать ладонь и подставлять ее под теплое сопротивление встречного ветра. Тихо мурлыкал о чей-то несчастной любви радиоприемник, а под зеркалом заднего обзора болталась пластмассовая фигурка мексиканского марьячи, в

черном шнурованном костюме, огромном сомбреро и с маленькой гитарой.

– Ну что, брат, не скучно тебе вот так без дела качаться на нитке? – Антон осторожно щелкнул пальцем по забавному человечку, который, откликаясь на призыв, часто-часто закивал головой. Хотелось как-то разнообразить свой путь и отвлечься от монотонного созерцания асфальтовой полосы.

– Тогда скажи мне, Мигель… – Это имя Антон выбрал для своего дорожного талисмана в тот день, когда приобрел его в одной из многочисленных лавок-артесаний, прогуливаясь по гудящему, как улей, рынку в столице ацтеков, Мехико-сити. – Нравится ли тебе она? Кто, кто? Она. Будто сам не знаешь? Ну, что молчишь? Или ты хочешь сказать, что устал подсчитывать моих любимых женщин? Ладно, пусть так, признаю, но и ты хорош. Хотя, если честно, то их и не так много было в моей жизни. Нечего корчить из себя моралиста. Знаем мы вас, марьячос. Еще те жуиры. Не ваши ли слащавые песни сводят девушек с ума? То-то. Так что нос особо не задирай. Давай лучше поговорим обо всем серьезно.

Пластиковый мексиканец вздрогнул, поднял и опустил свою гитару, то ли в знак согласия, то ли потому, что колесо заехало в небольшую выбоину.

– Как ты думаешь, Кармен любит меня? Да или нет, то есть скорее да, чем нет. Хорошо. А почему? Я ведь еще тот экземпляр, сам догадываешься. Да, верно, подарки люблю ей

дарить, деньги даю. Так это дело обычное. Все женщины любят преподношения. И секс, конечно. Куда же без него? Ладно, ладно, не смотри на меня так. Ты хочешь заметить, что я в постели бываю несдержанным, порой даже грубым. Ну что ты кривишься? Сам знаю. Так и ей тоже нравятся различные позы. Ведь не старики же мы. Пошалить надо, пофантазировать. Глядишь, потом будет о чем вспомнить. Вижу, что согласен. То-то. Хоть на этом сошлись.

Антон прервал молчаливый разговор и сосредоточился на обгоне тяжелого лесовоза, тащившего на себе сразу несколько неохватных стволов тропического великана-кедра. Шоссе забирало вверх, подъем становился круче, и поэтому вытянувшийся на сорок метров грузовик натужно пыхтел всеми своими двенадцатью цилиндрами, разлапившись на три четверти неширокой двухполосной дороги. Завершив обгон, Антон прибавил газу, чтобы оторваться от неуклюжего попутчика. Отъехав с полкилометра, сбросил скорость и вновь обратился к своему молчаливому собеседнику.

– О чем ты загрустил, Мигель? Может, о том, что у тебя такой красотки нет? Если так, то я согласен. Редкая женщина, точно дорогой изумруд, требующий достойной оправы. Не правда ли? Ага, ты, я вижу, хочешь спросить меня, люблю ли я ее или нет? Ну что ж, отвечу. Скрывать не буду. Нравится она мне, как никакая другая. И ее грудь, и ее ноги, и чувственные губы, и то, что не донимает меня вопросами, а главное, не пересказывает мне, с каким настроением она

с утра встала или как у нее в самый неподходящий момент раскрутились бигуди. Ну и я, соответственно, ничем не ограничиваю ее свободы.

Мигель, как волчок, закрутился вокруг своей оси:

– Вот-вот, Антонио. В этом весь ты. Бездушный, черствый человек. «Даю свободу женщине». Благодетель? Выдумал чем гордиться. Разве тебе невдомек, что любая женщина всегда, даже когда не признается себе в этом, тяготится своей свободой и мечтает разменять ее на мужское покровительство? Она всегда занята поисками сильного и надежного человека. А ты все талдычишь – свобода, независимость. Откровенно сказать, ты ведешь себя как перелетная птица: порхаешь, а гнездовья не вьешь. Перекати-поле, одним словом.

– Мы дружны, у нас полное взаимопонимание. – Антон как бы нахмурился про себя. – Тоже немало.

– Немало? Все расчетами меряешь, – не унимался разошедшийся марьячи. – О дружбе запел. Да у тебя вся дружба с выгодой для себя. Днем бизнес, вечером бар или спортклуб. Явишься как снег на голову и исчезнешь на две недели. Какой женщине это понравится. Одна кутерьма, и только.

– Однако ты что-то слишком разошелся, Мигелито. Любишь совать нос не в свои дела. – Антон с ожесточением вдавил в пол педаль газа и погнал джип вперед. – Право, что за сумбурные мысли донимают меня? Разговорился сам с собой, будто устроил для себя суд совести, а может быть, что-

то подсказывает мне, что холостяцкая жизнь исчерпала себя и с ней надо завязывать? Может быть, пришло время закинуть якорь в чей-то уютный дом и пришвартоваться лет на десять-пятнадцать? А там видно будет. Может, Кармен и есть та самая нужная для меня женщина? Да как скажешь об этом с уверенностью? Вот и об Ольге думал как о невесте. И на войну меня провожала, и ждать обещала. Ан нет, не сдержала слово. Перебежала, да к кому? К моему деловому партнеру, к другу, можно сказать. Женщины – это, брат, загадка. Сами не знают, что им надо. Ну, что замолк, Мигелито? О том же думаешь, что и я? Видать, и у тебя была размалеванная «Барби», которая тоже оставила тебя с носом. – Антон подтолкнул загрустившую было игрушку. – Я что, чем-то обидел тебя? Нет? Тогда правду тебе скажу, не взыщи. Вот висишь здесь передо мной и без умолку болтаешь, сам чего не знаешь. Какой знаток женщин выискался.

Джип резко вильнул в сторону, объезжая выкатившийся на дорожное полотно увесистый булыжник, должно быть, недавно свалившийся с откоса. Забавная разрисованная фигурка затанцевала, подтягиваясь на своем шнурке и выделывая шарнирными руками и ногами причудливые коленца, и развернулась лицом к Антону:

– Я не обижаюсь на тебя, Антонио. Я даже не знаю, как это делается. Ведь я не настоящий и о жизни сужу только по тому, что увижу из окна твоего автомобиля, или услышу, о чем ты разговариваешь со своими попутчиками. Люди рас-

сказывают, а я запоминаю. Я ведь с тобой постоянно езжу. И помню, что говорила и как смотрела на тебя Кармен, когда ты обнимал и целовал ее здесь, на этом сиденье, передо мной. И мне обидно, что о своей Кармен ты почти ничего не знаешь. Вот говоришь только, мол, она красивая, нежная, ласковая. А о чем она думает, что она хочет, так ничего мне и не сказал. Она ведь с тобой не только потому, чтобы удовлетворять твои сексуальные пристрастия. У нее есть сердце, которое чувствует, болит, переживает. И оно не такое каменное, как у тебя.

– А что я, собственно, должен знать о ней? Я не вторгаюсь в ее внутренний мир, не докучаю ревностью. Вежлив, говорю ласковые слова, предвосхищаю ее желания. А ты ведь сам знаешь, что без всяких там модных тряпок, дорогой косметики и украшений ни одна женщина в мире не может быть до конца счастлива. Не я их такими сконструировал, и потому думаю, что Кармен мною довольна. И мне хорошо, а на большее я не претендую. А потом, сам должен понимать, что чем больше ты знаешь о человеке, тем меньше им очаровываешься. Тогда в чем ты хочешь упрекнуть меня?

– Так, все так, да не так. – Марьячи качнул своим широкополым сомбреро, давая понять, что не согласен с объяснениями Антона. – Нравится? Вежлив? А может быть, твоя вежливость и обходительность для нее хуже оскорбления. Может быть, она совсем другого от тебя ждет. Забыл, что существует одно самое главное на свете слово? Любовь, или не

слыхал о таком?

Шуршали об асфальт шины. Проносившиеся мимо редкие встречные машины вдавливали в салон джипа спрессованные воздушные заряды. Дорога шла под уклон, что заметно, градус за градусом, поднимало температуру за бортом.

– Ладно, Мигель, давай по рукам. Заключим перемирие. Спасибо тебе за откровенную беседу. Благодаря ей дорога в два раза короче стала. Кстати, вот и указатель съезда в нужном мне направлении показался. Он выведет нас к долине Espiritu Santo[3]. Скоро я увижу утыканные вкраплениями убогих шахтерских поселков Кахика, Гуатеке, Лос Хунтос места обитания добытчиков авантюрного изумрудного счастья. Тут можно ежедневно прозябать в грязи и бедности, но каждый восход солнца будет возрождать манящую надежду на то, что очередной срубленный в этот день пласт породы вдруг блеснет зеленным всполохом, который изменит всю горькую судьбу горнокопателя.

Это наш край, там тоже наша вотчина, наша мечта о том, что в конце концов и мне удастся вырвать у неповоротливой судьбы свой шанс на удачу. Да вот, кстати, и придорожная харчевня. Неплохо бы и перекусить. Не знаю, как тебе, а мне не помешает подкрепиться…

Джип вывернул передние колеса, съехал с шоссе и приткнулся хромированной мордой к палисаднику, засаженному низкорослыми вечнозелеными кустами с жесткими ли-

---

[3] Святого духа (исп.).

стьями, который продолговатой полудугой окаймлял одноэтажное здание под красной черепичной крышей. По фасаду раскинулась вывеска с выведенной розовой краской надписью – «Restaurante Postobon». У входа в скромное заведение общепита в качестве элемента рекламной декорации красовалась деревянная повозка с огромными колесами, оставшаяся, должно быть, со времен последнего предрождественского карнавала Aquinaldo, на открытой платформе которой были выставлены огромные вазоны, заполненные пестрым орнаментом из цветов канну, петуний и белокрылой каллы.

За стеклянными дверями придорожного ресторана Антона встретила прохладная атмосфера, поддерживаемая трудившимся изо всех сил кондиционером, и растянутый на полстены удивительный плакат со звучным и бессмысленным лозунгом: «Пеле, король футбола, покинул нас, Иисус, царь царей, пришел к нам».

«Удивительная смесь из католического панегирика Спасителю человечества и почти языческого поклонения гению футбола», – подумал Антон. В просторном помещении посетителей почти не было. Только двое мужчин. Судя по их виду и одежде – местные жители, которые коротали обеденное время за ячменной похлебкой-кучуко из мяса свинины и парой бутылок местного пива «Агила».

Бекетов выбрал для себя столик в самом дальнем углу зала и стал дожидаться, когда к нему подойдет миловидная официантка-мулатка в белой плиссированной юбке ниже ко-

лен, красной блузке с короткими широкими рукавами и с цветастой повязкой на смоляных волосах, чтобы попросить ее принести вкуснейшую «бандеху-пайсы» из жареных кусков говядины с фасолью, маниокой, авокадо и вареными кукурузными початками. Поколебавшись и зачем-то задержав взгляд на толстых вывороченных губах молодой женщины, он добавил в заказ сто граммов агуардьенте и бутылку воды без газа.

«Что-то я сегодня размечтался о бабах, – про себя усмехнулся Антон, провожая взглядом покатую спину удалявшейся официантки и с удовольствием наблюдая, как ловко вправо-влево качается на ее крутых бедрах белая юбка. – И с кем разговорился? С Мигелито, куском пластика. Душу начал перед ним выворачивать. Это что же? Раздвоение личности? Разнюнился. Прикинулся, что таким образом скоротал время в пути? Зачем заниматься поисками ответов на в общем-то не самые сложные вопросы? Ясно одно – я беглец, заброшенный по воле рока за линию экватора, без друзей и родных, пытающийся обрести опору под своими ногами. Вот мой краеугольный камень. В конце концов, Колумбия – страна эмигрантов, многие из которых еще не забыли свои европейские или африканские корни. Тогда единственное и главное, что я должен сделать, – это вписаться в новые условия, и прежде всего укрепить свой бизнес. А если получится так, как я задумал, тогда сразу появятся и друзья, и женщины, как мотыльки, слетятся на огонек чужого успеха. Дочери

Евы крепко помнят это несложное правило, выработанное их общими усилиями еще во времена Ветхого Завета».

Вернувшаяся с подносом симпатичная мулатка принялась деловито раскладывать перед Антоном обеденные приборы: ложки, вилки, ножи, салфетки. Подложила плейсмэт из крафт-бумаги, на который торжественно водрузила тарелку с дымящимся мясом. Затем отошла к бару и принесла с собой дополнительно заказанные маленькую бутылочку «огненной воды» и минералку. Напоследок поощрительно улыбнулась терпеливому гостю и пожелала ему «Buen provecho»[4].

«Это я хорошо сделал, что вложил свои деньги в изумрудный бизнес в Колумбии. Это не золото, не нефть и тем более не кокаин. Дело чистое. Относительно, но все же. Недаром колумбийцы считают изумруд символом свободы и независимости. – Антон подцепил на вилку сладковатую юкку и отправил ее в рот вслед за сочным куском мяса. – Ничего, что добыча изумрудного сырья на моей делянке трудная и не такая уж рентабельная. Хотя, может быть, это не так уж плохо. Прииск меньше привлекает внимание. Честно говоря, я его и приобрел только потому, что он уже перешел в разряд убыточных. Только поэтому Лос Кинтерос, боссы долины Мусо, лично распорядились мне его продать по заниженной цене. Поди плохо переуступить слабый актив и заодно взять под свое покровительство иностранного чудака, готового вложиться в эти сомнительные копи. Управляемая си-

[4] Приятного аппетита (исп.).

туация. Двадцать процентов от добычи изумрудов я по-любому должен отдавать в „сообщество“, чтобы меня никто не трогал. Ну а раскопаю больше, чем они ожидают, тут и жди плохих парней, у которых всегда найдутся в запасе очень убедительные слова. Хотя зря я наговариваю на Колумбию. В этом смысле она ничем не хуже России. Те же негласные правила и та же манера ведения бизнеса.

Но теперь нужно действовать по-другому. Отдавать необработанные изумруды местным скупщикам становится невыгодным. Если сам буду их реализовывать, но не здесь, а подальше, предположим, во Франции или в Бельгии, снабжая ими престижные модные дома и ювелирные салоны, скажем, такие как „Роша“, „Пьер Карден“ или „Гальяно“, то размер выручки заметно подрастет, возможно, в разы. Стоит только отработать маршрут по перевозке изумрудов, предположим, мелкими партиями, договориться о возобновляемой аренде частных самолетов, ну и, конечно, продумать, как избежать уплаты таможенной пошлины и здесь, и там. Если за все платить, то много не выручишь. А вот „сообщество“ обманывать нельзя. Такие законы не нарушаются. Так что, как ни крути, но ежемесячно двадцать процентов с прибыли вынь и положи в кассу покровителей. Я с ними честен, и они меня подстрахуют, когда нужно».

Довольный своими рассуждениями, Антон Бекетов налил из бутылочки агуардьенте и не спеша, маленькими глотками выпил всю рюмку. На душе стало как-то теплее. Настроение

поднялось. Проблемы стали смотреться значительно проще. Однако надо торопиться. Солнце уже высоко, а до шахты «Чорро» еще тридцать километров. Оставаться на ночь в этом постоялом дворе, больше похожем на ночлежку, чем на гостиницу, явно не хотелось:

«Надо за день решить все вопросы и вернуться в Боготу. Похоже, мой бригадир Густаво Варгас приготовил для меня нехороший сюрприз. Недаром он позвонил мне в Боготу и срывающимся голосом умолял быстрее приехать на прииск».

Рассчитавшись за обед и наградив приятную во всех отношениях официантку высокими по местным меркам чаевыми, Антон вернулся к своему отдохнувшему на солнцепеке джипу, уселся за руль, завел мотор и первым делом врубил на полную мощность кондиционер – салон готов был от жары расплавиться по частям. «Форд Бронко» вырулил на шоссе, Антон прибавил газу и, усмехнувшись, взглянул на болтавшегося на шнурке пластмассового Пиноккио-Мигелито.

– А теперь больше не доставай меня своими вопросами и нравоучениями.

С каждым километром асфальтовое полотно дороги становилось все более похожим на неровно вспаханное поле, в котором рытвин и ухабов было, пожалуй, больше, чем в гранитном карьере. Вскоре внизу справа заструилась водная гладь реки, которая то растягивалась в тонкую извилистую ленту, то растекалась по межгорным долинам, образуя большие и малые озера, по которым сноровисто сновали разно-

мерные катерки и пыхтел нагруженный строительными материалами паром. Вскоре путь перегородил странный, неаккуратно раскрашенный черно-красными полосами шлагбаум из засохшей толстой ветви какого-то дерева, рядом с которым в расслабленных позах расположились три охранника с дробовыми помповыми ружьями.

Один из них лениво оторвался от своего ничегонеделанья и, не торопясь, подошел к джипу. Наклонившись к боковому окну автомобиля и вглядевшись в Антона, он скривился в улыбке и поприветствовал его:

– Buenos dias, senor Beketov[5], – и махнул рукой, давая знак своим подельникам, чтобы они подняли стрелу шлагбаума. Проводив взглядом удалявшийся джип, он раскурил потухшую было сигару и произнес, словно отвечая на молчаливый вопрос своих подчиненных:

– Es un loco ruso, conocido del don Cuco Danoy[6].

Сеньор Куко был всемогущим капо в этих местах, то есть смотрящим за порядком и поведением добытчиков изумрудов в этой долине, одно имя которого внушало ужас и почтение у полутысячи трудяг, сутки напролет ковырявших малоотзывчивую горную породу. Властелины этих мест, Лос Кинтерос, умели подбирать верных псов для охраны своих интересов.

Прииск «Эль Чорро» располагался в удивительно живо-

---

[5] Добрый день, сеньор Бекетов (исп.).

[6] Это сумасшедший русский. Знакомый дона Куко Даноя (исп.).

писном месте – на отшибе от расположения основных месторождений изумрудов, в стороне от докучливого внешнего внимания, что позволяло старателям спокойно, без суеты и нервозности, вести вырубку минералосодержащей руды и промывать ее в примитивных проточных лотках. От входа в шахту, по склону, легко было спуститься к самой реке, которая делала здесь причудливую петлю и еще быстрее устремлялась вниз, вспениваясь на многочисленных порогах и облизывая каменистые и обрывистые откосы зеленых лесистых гор. На противоположной стороне реки, как раз напротив входа в шахту, прямо из горы бил родник, столь мощный и напористый, что напоминал собой небольшой водопад, который, образуя полудугу, низвергался прямо в реку, поднимая в воздух мириады брызг.

Наиболее интересным моментом в здешних красотах было то, что этот прииск принадлежал уважаемому по местным неписаным законам сеньору Антонио Бекетову, который и сам длительное время удивлялся тому, как это ему, чужестранцу, удалось так быстро и без особых юридических проволочек приобрести в собственность этот рудник.

Конечно, месторождению «Эль Чорро» далеко до шахты «Аквариус», в которой время от времени выламывали чистейшие монолитные изумруды весом в десятки карат, и поэтому все окрестные горняки стремились заполучить работу именно на этой шахте, так как видели в ней возможность вырваться из беспросветной бедности и стать уважаемым че-

ловеком.

Тем не менее скромный по всем меркам рудник «Эль Чорро» свое дело делал, и каждую неделю поверенный Антона и бригадир старателей Густаво Варгас, принарядившись в лучший свой костюм из шерсти альпака, отправлялся в Боготу и шел в офис Антона в гостинице «Такендама», чтобы передать тому маленький, но увесистый полотняный мешочек, набитый мелкими изумрудными кристаллами.

Да, такая россыпь вряд ли может устроить привередливых парижских ювелиров, и ей самое подходящее место на черном рынке на улице Калле-Реаль. Завистливые критики при этом определенно скажут, что эти изумрудики есть всего лишь давальческое сырье, но, как бы то ни было, каждый месяц Антон Бекетов сводил баланс своего предприятия с небольшой чистой прибылью, что заставляло его привыкать к мысли о том, что не за горами тот светлый день, когда и он если и не станет изумрудным королем, то в число избранных принцев войдет наверняка.

Одним словом, самолюбие Антона как бизнесмена никак не страдало. Одно лишь его не устраивало. Это то, что он отдавал свой товар местным перекупщикам по местной цене, весьма низкой, надо сказать, и то, что ему так и не удавалось наладить самостоятельный сбыт изумрудов.

Джип Антона заехал на площадку перед рудником «Эль Чорро», на которой уже сгрудились несколько изрядно заезженных автомобилей, принадлежащих его горным рабочим,

и где располагалось небольшое одноэтажное здание из досок и шифера, в которой размещалась рабочая столовая и конторское отделение одновременно. Так как солнце давно уже перевалило свой зенит и время обеденной паузы закончилось, в помещении никого не было, и только за небольшим письменным столом сидел согнувшийся над клавиатурой компьютера одинокий человек, в котором Антон узнал своего поверенного Густаво Варгаса.

– Hola, Gustavo, como estas? Siempre preocupado?[7] – приветствовал он его.

– B uenos dias, senor Antonio. Lamentablemente, Ud. tiene razon. Hoy tenemos un dia muy triste[8], – откликнулся Густаво и, выйдя из-за стола, поспешил навстречу своему боссу.

– Так что же у вас произошло? – в голосе Антона прозвучали нотки нетерпения и желания побыстрее узнать нехорошие новости. Горное дело всегда сопряжено с большими сложностями, и неприятностей можно ожидать откуда угодно и в самый неподходящий момент.

– Так вот я как раз и собирался вам подробно рассказать о том, что у нас на шахте случилось несчастье. Поэтому я и позвонил вам вчера и решился попросить вас сегодня приехать на прииск, – решил не затягивать с ответом бригадир.

– Короче, Густаво, – поморщился явно недовольный от-

---

[7] Привет, Густаво, как у тебя дела? Всегда чем-то озабочен? (исп.).

[8] Добрый день, сеньор Антонио. К сожалению, вы правы. У нас сегодня очень печальный день (исп.).

ветом своего подчиненного Антон. За время пребывания в Колумбии он почти привык к речевым особенностям местных жителей, которые всегда стремились говорить много и вычурно, разукрашивая свою речь цветастыми оборотами. Им казалось, что таким образом они выглядят в глазах собеседника более значительно и добиваются к себе большего уважения. – Давай по существу.

– Вышло так, – перевел дыхание поверенный и первым делом ослабил на своей шее туго намотанный платок, будто намеривался набрать в грудь побольше воздуха. – Вчера, как обычно, мы приступили к прокладке нового ствола шахты. Проходка велась в штатном режиме, без отклонений от технических параметров. Проблем с вывозом сопутствующей породы не было, так как уклон ствола был минимальным. Не более пятнадцати градусов. Мы, как обычно, ставили крепежи, произвели частичное армирование. Все шло великолепно. Хочу подчеркнуть, что новые воздухонагнетательные установки и электрогенераторы, которые вы закупили по моему совету, работали безотказно. Абсолютно ничего не предвещало беды. Когда же мне понадобился газоизмерительный прибор, я послал за ним одного горняка. У нас они, как и другое необходимое для работы оборудование, хранятся в короткой боковой штольне, как раз на половине длины основного ствола шахты. И вот здесь произошло неожиданное. Через какое-то время мы услышали грохот обвалившейся породы, и когда подбежали к этой штольне, то увидели,

что она наполовину завалена обрушившимся грунтом, и этот парень оказался под ним. Его зовут Кесо, то есть, извините, Хайме Лопес. Кесо – это мы так его прозвали за пристрастие к козьему сыру. Какое-то время мы слышали его стоны, но к утру все стихло.

– А вы, вы что-нибудь сделали, чтобы его спасти? Почему сразу не вытащили? – лицо Антона перекосило, как от острой зубной боли. Гибель даже одного человека, тем более из числа собственных работников – действительно событие чрезвычайное. Помимо того, что нарушен привычный трудовой процесс, так теперь жди разбирательства и с полицейскими следователями, и с различными правительственными надзорными органами. А это значит только одно – бесконечные поборы, чтобы замазать дело. Что здесь, в Колумбии, что в России – процедура одна и та же.

– Так нет же, сеньор Антонио, – смутился горный инженер. – Мы без перерыва ведем расчистку завала. Сумели наладить даже дренаж для откачки воды. Но шахту постоянно подмывает. Это обрушение породы было как раз и связано с внезапным прорывом воды. Теперь главное установить, из какой скрытой водной линзы на нас обрушился этот поток. Если сумеем это сделать, тогда остальное – это пустяки. Мы восстановим проходку за трое суток. Не дай бог, если эта катастрофа связана с выходом подземной реки. Тогда нам грозит затопление не только злосчастной штольни, но и основного ствола шахты, то есть, по сути, всего рудника.

– Все ясно, – нахмурился Антон. Управляющий прав. Рабочему уже не ничем не поможешь, да и тело его не достать. Главная задача – спасти всю шахту, а для этого надо быстро укреплять своды основного ствола и усиливать откачку воды.

– Пойдем в рудник. – Бекетов коротко взглянул на хмурого нахохлившегося Густаво. – Посмотрим, что к чему.

Худшие опасения инженера, похоже, оправдывались. Пройдя по шахтному тоннелю сто пятьдесят метров, хозяин прииска и его управляющий остановились напротив входа в злополучную штольню, внутри которой, стоя почти по колено в грязевой пульпе из воды, кусков кремня и глины, несколько горняков в касках с зажженными фонарями лопатами выгребали черное месиво. В свете неярких потолочных ламп, протянутых по потолку главного туннеля, сплошь расчерченного бело-кремовыми жилами шпата, Антон заметил, как через трещины в стенах повсеместно вниз сбегают тонкие водные струйки.

– Плохо. Совсем плохо. Надо возвращаться в Боготу и привезти на прииск мощные помпы.

Даже когда они вышли из шахты и остановились, с удовольствием вдыхая свежий воздух, инженер все продолжал что-то горячо говорить и доказывать, дав волю своему эмоциональному состоянию. Наконец его многочисленные объяснения наскучили Антону, и он, положив руку на плечо своего помощника, то ли для того, чтобы успокоить Варгаса, то

ли для того, чтобы остановить поток его красноречия, произнес:

– Ладно, Густаво. Я по-быстрому смотаюсь в столицу и вернусь с оборудованием. Примерно к полуночи рассчитываю быть обратно, а вы не прекращайте работы ни на час. Если потребуется, обещайте горнякам двойную ставку. Шахту надо спасти во чтобы то ни стало. Это в общих интересах. Ты меня понимаешь?

– Конечно, конечно, шеф. – Голос управляющего звучал почти угодливо. – Не беспокойтесь. Мы будем делать все, что вы сказали. Но вот есть еще одно обстоятельство… – Густаво осекся и на минуту замолчал.

– Ну, что там, Густаво? – поторопил его Антон, понимая, что управляющий припас для него еще одну новость. Может быть, самую неприятную. Так сказать, напоследок. – Раз начал, то договаривай.

– Сюда к нам на прииск пришла вдова Хайме. Уж кто ей сказал о смерти мужа, я не знаю. Она бедная женщина. Может быть, вы поговорите с ней? Успокоите? – Инженер Варгас выглядел смущенным. Он понимал, что хотя хозяин до сего момента ни в чем не упрекнул его, но про себя наверняка думает, что завал породы произошел в том числе и по его недосмотру. А тогда неприятности будут и у него.

– Ну что ж, – тяжело вздохнул Антон. – Пойдем, поговорим с ней.

Оба направились к неказистой конторской постройке. Ан-

тон поставил было ногу на порог входной двери, но Варгас, осторожно прикоснувшись к руке, остановил его.

– Она не здесь, в другом месте, – проговорил бригадир и махнул куда-то в сторону, давая понять, что они должны обойти здание. Обогнув угол конторы, Антон увидел маленькую и, как ему показалось на первый взгляд, весьма пожилую женщину, которая сидела на куче то ли слежавшегося черного вулканического песка, то ли кусков гранитного щебня. Черты крошечного сморщенного лица свидетельствовали о том, что в ее венах течет много индейской крови.

– Она из племени чибча, как и ее погибший муж, Хайме, но он был метис и только наполовину индеец, а она чистокровная чибча, – сбивчиво начал давать пояснения Варгас.

Индианка, на которой была надета кофта и длинная юбка из тонкой домотканой шерсти, никак не реагировала на появление двух незнакомых ей мужчин. Она все так же безучастно сидела, придерживая на коленях сверток с младенцем, обернутый куском материи в красную и синюю полоску.

– Как давно она здесь сидит? – Голос Антона стал хриплым. Слова с трудом продирались через горло.

– Пожалуй, с самого утра. Никто не видел, когда точно она появилась. С тех пор и сидит на этой куче, – не сразу ответил Варгас.

– Ну а вы что же? Почему не пригласили ее в контору, не накормили? – Антон почувствовал, как в его груди закипает гнев.

– Нет, нет, сеньор Антонио. Не думайте такого. Мы ее приглашали в столовую, даже приносили еду сюда, но она отказывается есть. Вот так все время сидит и только иногда достает из мешочка свежие листки коки и жует их, а жвачку дает ребенку, – торопливо стал оправдываться управляющий. – Здесь у крестьян такой обычай. Они ежедневно жуют коку, чтобы утолить голод и поддержать свои силы.

– Я знаю, Густаво, – уже более миролюбиво произнес Антон и сделал предупредительное движение ладони, чтобы прервать объяснения своего инженера. – Как ее зовут? Я хочу поговорить с ней.

– Она откликается на имя Мария.

– Хорошо. – Антон подошел ближе к женщине и присел перед ней на корточки. – Добрый день, Мария. Меня зовут Антонио. Я отвечаю за все события, которые здесь происходят. Мне очень жаль, что все так произошло и твой муж погиб. Так не должно было случится, но случилось. Ты понимаешь меня? У нас тяжелая мужская работа, мы все рискуем, чтобы у наших семей была еда, а дети могли расти. Мы всегда будем помнить Хайме. – Антон перекрестился по православному обычаю. – Я хочу помочь тебе. Скажи мне, как и чем?

Индианка продолжала молчать и только еще больше подобрала под себя коричневые ноги в грязных стоптанных сандалиях. Выждав минуту, Антон Бекетов повернулся к своему бригадиру и спросил:

– Почему она молчит? Она понимает по-испански?

Густаво Варгас выступил вперед и начал что-то разъяснять ей на незнакомом Антону диалекте кечуа, подкрепляя свои слова активной жестикуляцией. Наконец губы женщины разомкнулись, и она подняла голову, прикрытую смятой фетровой шляпой с узкими полями. Антон не мог оторвать взгляда от этого застывшего, усохшего от жизненных невзгод лица. Его сердце заныло и стало заполняться, казалось бы, давно забытым чувством жалости и сострадания к ближнему. Такие же точно отрешенные от жизни лица он видел давно, на почти забытой кавказской войне, когда встречал таких же убитых горем женщин, потерявших в бессмысленных сражениях своих самых дорогих людей – сыновей и мужей, – которым судьба оставило только одно – безутешно коротать свой вдовий век у развороченных снарядами родных пепелищ. Им ни до чего не было дела. Они ничего уже не просили ни у людей, ни у жизни.

Всматриваясь в маленькие слезящиеся глаза несчастной индианки и не зная, что ей еще можно сказать, Антон, не оборачиваясь к Густаво, спросил его:

– Что она ответила тебе?

– Она просит дать ей возможность увидеть тело своего мужа. Хочет проститься с ним. – Варгас натужно закашлял, отошел на несколько шагов и, достав из кармана брюк носовой платок, приложил его ко рту. Пыль. Горная пыль.

– Переведи ей следующее. Мы все делаем, чтобы раско-

пать Хайме, но вода все время пребывает и обваливает породу. До него теперь очень сложно добраться. Твой муж уже в лучшем мире, и ему там хорошо. Сейчас я опасаюсь, что могут погибнуть другие горняки, поэтому мы вынуждены будем зацементировать эту штольню, чтобы спасти остальную шахту. Мы не оставим тебя одну, Мария. – Помедлив, Антон спросил теперь уже у своего инженера: – Сколько у нее детей?

– Пятеро. Мы точно знаем. Старшему четырнадцать лет. Семья проживает в деревне, где живет большинство наших старателей, километрах в пяти отсюда, – ответил тот.

Пятеро несовершеннолетних детей. Полураздетых и полуголодных. Случайность изменила привычный ход событий, превратив жизнь этих людей, и так проходившую в бедности и нужде, в беспросветную трагедию. Нет теперь единственного кормильца, исчез скудный источник доходов этой семьи. Не обучены и плохо накормлены дети. Улица станет их пристанищем, а попрошайничество – привычным уделом. Антон чувствовал, что так просто стоять и никак не реагировать он не должен.

Ему хотелось побыстрее завершить тягостную сцену. Распрощаться с этой раздавленной судьбой женщиной и вернуться к привычным делам. Уехать в большой город и окунуться в его гудящую атмосферу. Там он сможет быстрее забыть это событие и не думать больше о тысячах несчастных, которые влачат такое же беспросветное существование, как

эта индейская семья.

А Мария ничего не думала. Она даже не понимала, зачем эти белые господа говорят ей какие-то диковинные слова. Она просто знала, что ни сегодня вечером, ни завтра, никогда больше не услышит голоса своего Хайме, когда он усталый вернется с работы, сядет за стол и молча будет есть разваренную кукурузную кашу, а она, ничего не говоря, будет стоять рядом и смотреть, как на его лице под коричневой, задубевшей от пыли и горного солнца кожей перекатываются желваки. И в эти минуты она была счастлива.

Знала, что больше не услышит в своем доме, больше похожем на лачугу, веселья и смеха детей, которые выбегут навстречу своему отцу, когда он переступит родной порог и протянет им кулек дешевых шоколадных конфет, потому что в этот день горнякам как раз выдали зарплату. Великий бог Чубчакум забрал ее мужа и навеки упрятал его у себя глубоко в горе, чтобы он помогал ему оберегать эту грешную землю.

Ничего больше не говоря, Антон Бекетов достал из заднего кармана брюк портмоне и вынул из него все наличные деньги, которые у него были при себе:

– Вот, это тебе, Мария. Здесь восемьсот долларов. Бери, не бойся.

Женщина взглянула на протянутые ей сложенные вдвое банкноты. Ее маленькая худая ладонь раскрылась, и Антон почти насильно втиснул в нее деньги. Индианка сжала их

пальцами и продолжала держать в нерешительности в вытянутой руке, будто была не уверена, что это неожиданно свалившееся на нее богатство принадлежит теперь ей и она имеет на него право. Или эти господа, которые распоряжались жизнью мужа и в конце концов забрали его у нее, говорят просто так, несерьезно, и через минуту передумают и отберут эти доллары так же легко, как и дали? Ни слова благодарности, ни звука не сорвалось с ее потрескавшихся сухих губ.

– Я попрошу тебя, Варгас, – Антон больше не смотрел на сидевшую перед ним согбенную женскую фигуру, – помоги ей разменять эти доллары на местные песо и скажи, что мы будем регулярно выдавать ей зарплату ее мужа. Да, ты правильно понял меня. Именно выдавать. По крайней мере еще три месяца, а там посмотрим, что делать.

Бекетов повернулся и, не попрощавшись с Марией, пошел по направлению к своему джипу. Ему расхотелось заниматься проблемами рудника и людскими судьбами. Почти физически он чувствовал, что чужое горе только тяготит его, заставляет понапрасну волноваться сердце. Впереди его ждала привычная обстановка большого города. Ему нужно опять увидеть его ночные рекламные росписи, зайти в какой-нибудь переполненный людским гомоном бар, лучше всего в «The Drunken Fox»[9], где двадцать четыре часа кряду сидят за столиками или стоят безразличные друг другу мужчины и женщины. Шумят, галдят и бесконечно дымят сигаретами.

---

[9] «Пьяный лис» (англ.).

И это хорошо. Там можно присесть за стойку, без лишних слов заполучить непочатую бутылку виски и долго, не торопясь пить его тягучими небольшими глотками, временами то поднимая стакан к свету затемненного фонаря, чтобы полюбоваться переливами янтарной жидкости, то вновь прикладывая его к своим губам. И тогда ему станет опять хорошо.

Уйдет из сердца непонятная тоска, покинут голову лишние докучливые мысли, а когда наконец алкогольный дурман успокоит душу, он наберет телефонный номер Кармен и скажет, что уже едет к ней. Скорее всего, спросонья она ему ничего не ответит, так как не сможет решить, нужен ли он ей в этот тихий полуночный час. Но это не важно, совсем не важно. Слова здесь не так нужны. Он откроет своими ключами входную дверь, пройдет по темным комнатам и войдет в полуосвещенную спальню, где увидит, как на прикроватной тумбочке теплится грустный ночничок, предусмотрительно зажженный Кармен. Обопрется коленом о край широкой постели и, наклонившись, зароется лицом в ее свежепромытые пушистые волосы, пахнущие изысканным амберным шампунем. А затем, вдосталь наглотавшись ее аромата, будет долго и нежно целовать дорогое лицо и шею, такие теплые и мягкие после первого растревоженного сна.

Он ничего не скажет ей, пока она не опьянеет от его хмельного дыхания, в котором почувствует насыщенное амбре из крепкого виски и хороших сигар, и, положив ладони ему на плечи, не притянет его к себе. Тогда он сдвинет квер-

ху, под самые полные округлые груди, короткую ночную рубашку из белого шелка и различит в полутьме ниже пупка аккуратно подстриженный треугольник, и, ни о чем больше не думая, прижмется своей пылающей щекой к его колкой шерстистой поверхности. И так и замрет, дожидаясь, пока любимая женщина медленно разведет для него свои жаркие податливые бедра. И что тогда сможет остановить его? Может быть, только еще нарождающийся где-то там, далеко, за тысячу миль в сонном океане рассвет? Или сладкая истома усталого тела, отдавшего другому человеческому существу часть самого себя?

Они вдосталь напьются медового нектара из кубка любви самого Эроса и не откажутся от него до последнего мгновения, пока сон заботливо не смежит им тяжелые веки.

Взбодрившийся от мысли об ожидающем его приятном вечере, Антон замотал головой, как бы желая стряхнуть с себя наваждение. Затем подозвал своего инженера и дал Варгасу несколько поручений, заодно повесив на него хлопоты по доставке помп для откачки грунтовых вод. После чего торопливо сел за руль верного «Бронко» и погнал его по ухабистой каменистой дороге в сторону колумбийской столицы.

Глава седьмая

Этот день в середине недели явно не задался. Так, по крайней мере, стала считать Кармен Долон после двенадцати часов. А с самого утра, казалось, все было хорошо. Яркое солнце улыбалось ей, утренний макияж равномерно лег на лицо, а губы даже не пришлось перекрашивать по второму разу. Такая непредсказуемая в своих желаниях Каролина без понуканий вовремя собралась в свой международный колледж и даже подскочила к ней на кухню, чтобы нежно чмокнуть в щеку. Нечастое и трогательное внимание со стороны строптивой дочери. В офисе также было все как всегда. Обычная рутина: щелканье компьютерных клавиш, негромкие реплики сотрудников и легкий аромат крепкого кофе. По своему обыкновению, не вовремя появилась Люсия, претендующая на роль главной подруги, и затараторила на ухо:

– Кармен, ты сегодня великолепна. Такую прическу я у тебя еще не замечала. А этот чудесный жакет и красная юбка – просто блеск. Кажется, я видела такой наборчик в салоне мадам Figueroa. Верно, из Парижа? Ты душечка, милая. Я в восторге. Но и у меня есть новости. Совершенно сногсшибательные. Это была встреча жизни. Как озарение. Для меня все стало ясно, как вспышка молнии. Из ниоткуда появился он. Представляешь? Одним словом, жди меня. В обеденный перерыв идем вместе в ресторан. Я тебе должна все-все по-

дробно рассказать. Это безумно интересное приключение! – Прощебетав свою тираду, разодетая под канарейку Люсия вспорхнула и полетела в свою рабочую клетку. Она была рада. Теперь у нее появилась возможность выплеснуть перед кем-то истомившуюся в ожидании подходящего собеседника душу.

«Смешно. Чем еще может поразить меня эта Люсия? – подумала про себя Кармен. – У нее всегда так. Встретит кого-то, потом сама нафантазирует, напридумывает. Очередной ее романчик, которой она, несомненно, завела вчера за стойкой бара в ночном клубе. Кто он? Альфонс на день, на неделю? Эрнандо, Гильермо, или заурядный Хуан? Мало ли мужских имен? Где же она нашла то место, где встречаются одинокие сердца? Может быть, все в том же пресловутом „Jack Diamond Club“, известном тем, что в него так просто не войдешь и так просто сразу не выйдешь. Любит Люсия всяческие неожиданности и приключения на свою голову. Наговорит, поди, о том, чего нет и не было, а ты сиди слушай и соглашайся, а то непременно обидится. Сочинит сказочку из вчерашних пьяных грез. Потом через пару недель разочаруется в ночном ухажере, раскается, себя начнет ругать и быстро успокоится. Как обычно, впрочем. У нее всегда так: вспыхнет, забурлит, и ничего: тишина, до следующего раза, пока сил не наберется. Который у нее роман за год? Ну точно, четвертый. А выслушать ее все же придется. Не потому что подруга, куда уж там до дружеских чувств! А потому, что

с кем-то о чем-то разговаривать нужно, ведь у самой в сердце тоже плещется мутная водица. Так что разбавить свои печали чем-то надо. Хотя бы для начала чужими ошибками».

Кармен открыла маленький сейф, размещавшийся в подкатной тумбочке, и стала выкладывать из него документы, требующие дальнейшей доработки: блокнот с исполненными скорописью заметками о вчерашнем заседании совета директоров компании, незаконченное письмо в сервисную компанию с претензиями о недопоставке партии каких-то непонятных ей шестилепестковых бурильных головок для скважин, которые простаивают уже целую неделю, и многое другое, что она лично считала малоинтересным и малозначимым лично для нее.

Скука, однако все это надо было подправить, скорректировать, одним словом, причесать, прежде чем нести на окончательную подпись директору департамента. Не успел засветиться экран ожившего под ее рукой компьютера, как дверь в комнату, которую она по праву занимала как старший секретарь-референт, приотворилась, и в образовавшуюся щель просунулась голова самого Хосе Эстебана Корвальо, упомянутого директора и ее непосредственного шефа.

– Карменсита, доброе утро. – На лице ее босса плавала слащавая улыбка. – Найди время зайти ко мне в кабинет. Есть разговор.

«Так, начинается. – Кармен Долон почувствовала, что она окончательна раздражена и недовольна началом рабочего

дня. – Не сложно догадаться, о чем речь пойдет. Заждался, поди, не успели две недели пройти с момента последней встречи. Наверняка дни считал, abuelito». Своего начальственного любовника Кармен называла про себя не иначе как этим словом, которое означало «старичок», и вкладывала в него весь сарказм, на который была способна.

Демонстративно не прихватив с собой даже блокнот для записей очередных «мудрых» указаний руководства, Кармен вышла в коридор и проследовала в кабинет босса, выстукивая высокими каблучками красных туфель нервную звонкую дробь, выдававшую ее плохое настроение.

Как только она закрыла за собой дверь, Хосе Корвальо, до этого в волнении метавшийся по своему просторному кабинету, моментально оказался рядом с ней и нервно схватил ее за обе ладони.

– Карменсита, сокровище мое, – воскликнул он, – как я ждал этого дня, этой минуты. Надеюсь, ты не забыла, что сегодня наша встреча. Я дни считал. Чуть с ума не сошел.

«Лучше бы сошел. Вот бы облегчение было для меня, – про себя усмехнулась Кармен Долон. – Сколько слов, сколько никчемной патетики. Неужели он действительно верит во все, что мне говорит, во все эти пафосные комплименты, которыми осыпает меня? Вот мой Антонио немногословен, но каждому его слову веришь и помнишь. Если бы ты знал, Хосе Эстебан Рауль Корвальо, с кем ты пытаешься соревноваться в моем сердце. Для меня было бы наслаждением уви-

деть твою растерянность, убедиться в твоем поражении как мужчины. Неужели тебе непонятно, что я отдаю тебе только мое тело? Какую любовь ты выпрашиваешь у меня? А может быть, потребовать от него поцеловать кончик моей туфельки? – пришла к ней мстительная мысль.

– И ведь поцелует. Не откажется. Сделает в ту же минуту. Грохнется на колени, не привыкать, распластается по полу и будет елозить по лакированной коже своими липкими тонкими губами».

Нет, не попросила, не приказала, а лишь отвернула голову в сторону, чтобы продемонстрировать восхищенному боссу свой безукоризненный профиль со слегка вздернутым носиком. Ее взгляд от нечего делать безразлично застыл на портрете президента страны, который в золоченой деревянной раме висел на стене, как раз за руководящим креслом.

«Какой у него торжественный и державный вид, но ведь и он наверняка не без греха? Уж точно держит у себя под боком такую же „коломбину“, как и я, – развлекала себя размышлениями Кармен, намеренно не обращая внимание на стенания своего любовника. – Чтобы сказал наш национальный лидер, если бы он увидел меня с моим шефом в данную минуту и его портрет мог бы говорить? Я думаю, он бы возмутился и произнес бы нечто такое:

„Меня одолевают бесконечные заботы о благополучии государства. Я ночи напролет не сплю, беспокоюсь о судьбе миллионов моих подданных, то есть, конечно, сограждан, а

вам, которые там, внизу, подо мной, и дела до ничего нет. Занимаетесь любовными интрижками вместо того, чтобы трудиться на благо страны или хотя бы, для начала, своей компании. Каково! Негодники. Или что? Своим дерзким поведением вы хотите заявить мне о том, что в то время как маститые политики сражаются друг с другом в ООН и пыхтят над строчками, как им кажется, грозных, а на самом деле вполне уморительных резолюций, над всем миром, над всеми их тщетными потугами торжественно властвует лишь один суверен – Его Величество Секс?“»

– Так как же, Карменсита? – жалобным тоном промолвил Хосе Корвальо и потряс ее за руки, за которые он все еще держался, как за спасительный канат, который сбросили с борта судна несчастному утопающему. – Мы увидимся сегодня? Я прошу тебя, дорогая, бесценная моя, не отказывай мне в этой небольшой просьбе. Ты же видишь, как я страдаю. Вот, лучше возьми ключи от нашей квартиры, нашего уютного гнездышка, которое согревает нас уже два года. – Одной рукой, звякнув металлом, он вынул из кармана пиджака связку из двух длинных, с витиеватыми бородками ключей, а другой продолжал удерживать ладонь своей возлюбленной.

Кармен явно успела надоесть эта трогательная и одновременно смешная сцена, и, пошевелив рукой, она освободилась от пальцев Хосе, которые ей стали казаться такими же противными, как щупальца вытащенного из морской пучины осьминога, и взяла протянутые ей ключи. Затем накло-

нилась к стоявшему на коленях Хосе Корвальо. Может быть, поцеловать его лоб? Зачем обижать идиота-страдальца, который может ей еще пригодиться?

– Если хочешь, то приезжай пораньше, уйди с работы. Я все заранее приготовил. Отдохнешь, а там и я скоро буду. Только ты никому и ничего не говори, – тихо промолвил измученный собственными мольбами пожилой ловелас, беспомощно всматриваясь в спину отвернувшейся от него Кармен Долон, которая направилась к выходу из начальственного кабинета.

Кармен была не из той породы женщин, которые готовы прислушиваться, а тем более безропотно следовать просьбам потерявших свое достоинство мужчин. Пусть ее ненасытный босс знает свое место. Ей ли в ее роскошные тридцать три года пристало сомневаться в горделивом преимуществе над алчущими ее прелестей особями мужского пола?

Не она ли – победительница конкурса красоты города Боготы среди студенток в еще не таком далеком прошлом? Не ей ли знать о том, что красота – это драгоценный дар свыше, который надо беречь, и если расходовать, то делать это медленно, капля за каплей, не позволяя другим выпить себя целиком, и так, чтобы ее запаса хватило на долгую и причем безбедную жизнь?

Кто из представителей «хищного» пола не хотел бы заполучить в собственное владение драгоценный брильянт и упрятать его в своем подземелье?

Поэтому, выйдя из офиса компании, Кармен решила вначале проехаться по лучшим бутикам колумбийской столицы и присмотреться, что в них появилось новенького, и потому прежде всего направилась в экскурсию по пятизвездочным отелям – от «Виктории Регины» до «Космоса».

Не то чтобы ей было так уж необходимо прикупить себе что-то эксклюзивное, а проще говоря, прибарахлиться. Вовсе нет. Достаточно того, что выписывал ей Тони из парижских и миланских домов моды. Но обойтись без того, чтобы в очередной раз потешить свое женское самолюбие, она никак не могла. И потом, с какого перепугу она должна сломя голову мчатся в тайное трехкомнатное убежище, которое ей уже порядком опротивело и куда, наверное, устремился, чтобы затаиться в нетерпеливом ожидании, этот надоедливый «abuelito» Хосе Эстебан?

Это он ловко придумал – тешить лукавого, укрываясь от посторонних глаз, да еще за счет бюджета компании. Такого завистливые члены совета директоров ему бы не простили, и если бы узнали правду, то распорядились бы приготовить его бренные кости в качестве сладкого десерта к чашечке вечернего кофе.

Недаром ее любовник больше всего на свете боится того, что его романтические проделки могут вылезти наружу, что непременно сделает его героем передовиц самых отвязных, самых желтых бульварных изданий Боготы.

Вот будет потеха для его разномастных недоброжелате-

лей, ждущих любой возможности, чтобы вставить ему палку в колеса или куда повыше.

«С такими конспиративными ухватками и оглядками ему было бы сподручнее податься в джунгли к партизанам „Сендеро луминосо“ и там подыскать для себя какую-нибудь новую Таню-революционерку из числа обитательниц малярийных болот», – про себя съязвила Кармен.

Занятая этими размышлениями, Кармен Долон небрежно бросила на заднее сиденье своего автомобиля маленький разлинованный частыми серебристыми полосками пакетик. Все-таки она не смогла сдержаться и приобрела совершенно ненужную, но на первый взгляд оригинальную брошку в виде ящерицы, поддавшись на уговоры угодливой продавщицы. Однако ее настроение как было дурным, так таковым и осталось.

К тому же совсем некстати ей вспомнилось восхищение Хосе Эстебана его любимым актером Кенни Даути, сумевшим «озарить» мир сценами из похотливого боевичка «Пока существуют мужчины», которые должны были доказать, что половой акт у фонтана, в автомобиле или у колоны католического монастыря решительным образом уступает по остроте ощущений сношению в зарослях травы среди кладбищенских крестов. Пошлость и безвкусица.

– Боже, как я устала от него.

Между тем Хосе Эстебан Рауль Корвальо был уже на месте с точностью вышколенного пехотинца, заканчивающе-

го второй год службы. Долго в своем кабинете в этот день он, конечно, усидеть не мог. Поэтому, огорошив вышестоящее руководство кучей всевозможных благовидных причин, почему не сможет быть на юбилее спикера национального парламента, он выпорхнул из стеклянного куба центрального офиса компании и устремился в цветочный салон, чтобы скупить там все роскошные розы сорта «Белый шоколад».

То, что Кармен задерживалась, немного волновало его. В том, что она придет вообще, он был уверен. Однако чем раньше, тем больше у него будет времени на всякие нежности и тем легче будет объяснить дома причину позднего возвращения.

– Может, это было предопределено свыше, что я встретил эту роковую женщину. – Хосе Эстебан прекратил свое кружение по комнатам и остановился перед большим зеркалом, в котором он смог увидеть себя во весь рост. Невзрачность своего внешнего вида огорчила его. Рост не выше ста семидесяти, узкие плечи, округлое пузцо человека существенно за пятьдесят, слабый скошенный назад подбородок – все в совокупности убеждало в том, что женщины его любить не могут.

Выходит, физические недостатки надо как-то умудриться скрыть или попытаться отвлечь внимание подруги на что-нибудь другое. Ну, например, увлечь любовницу занимательным рассказом или на худой конец поразить ее интеллектуальными рассуждениями на непонятную для нее тему. Авось

удастся закрепить в ее сознании образ человека редкого, осведомленного в вещах необыкновенных, скрытых в глубине истины. Не придумав ничего лучшего, он решил остаться в костюме и даже при галстуке, чтобы в таком виде встретить Кармен.

«Сколько предварительных усилий. Пусть будет так. Пусть мне приходиться унижаться перед ней и выпрашивать у нее любовь, но у меня в руках есть власть, и эта женщина подчинена мне по законам службы. В этом мое преимущество. Всем известно, что любая женщина интуитивно покоряется силе. Самой природой в ней заложена потребность чувствовать над собой авторитарного мужчину. К чему тогда все мои сомнения? Долой комплекс неполноценности, привитый мне с детства.

Ласка матери была для меня редкостью. Это так. Она была недоступна для меня, так как мать всегда была занята собой и своими нарядами, а я все ждал и ждал, когда наконец она положит на мою голову свою мягкую пахнущую диковинным ароматом ладонь и разворошит мои волосы. Материнская забота выпадала мне лишь от доброй пожилой мулатки, прислуживавшей в родительском доме.

А потом, когда вырос, для меня подобрали такую же самовлюбленную супругу, во многом похожую на мою мать. Сказали: гордись. Она же из рода Сепеда, ведущего начало от одного из капитанов командора Хименеса де Кесады, завоевателя Новой Гренады, то есть Колумбии. С тех пор называл

супругу не иначе как донна Юлиана и обращался к ней исключительно на вы. По-другому не получалось. Шаловливые слова застревали где-то в глотке. Так и живу с ней рядом, как с иконой. Ну а секс только по распорядку, который она сама же и установила. Мне нужна простая отзывчивая женщина, а не святая».

Хосе Эстебан осекся, словно испугался своих мыслей, которые произнести вслух вряд ли бы решился. Он был слабым и эгоистичным человеком и знал об этом, но в Бога и чудеса верил и потому слыл среди своего окружения добропорядочным католиком, каковым хотел считать себя всю жизнь.

Так и жил по чужой указке.

– Однако где же она? – уже в голос нетерпеливо произнес Хосе Эстебан, уставший от самоанализа, и подошел к отсервированному журнальному столику, заставленному вазами с цветами и тарелками с экзотическими фруктами, среди которых возвышались бутылки с чилийским белым и красным вином и красовались открытые коробки с шоколадными и пралиновыми конфетами. В холодильнике до поры до времени был припрятан поднос с изысканной мясной закуской и нарезанной ломтиками янтарно-желтой папайей. Все было заранее приготовлено для тихой задушевной беседы на двоих, но заскучавшему директору департамента вдруг захотелось, не раздумывая, откупорить первую попавшуюся бутылку и залпом опрокинуть в себя целый бокал вина. Ожидание явно затягивалось:

«Несносная девчонка. Так манкировать мною, пренебрегать моим чувством. Пусть только войдет. Я выскажу ей все, что думаю о ней и ее поведении. До чего довела меня? Я уподобился герою бесконечных сентиментальных монологов, изобретенных гуру испанской литературы Кармен Мартин Гайте. Безобразие. Тоже Кармен, заметьте», – сеньор Корвальо был на взводе и наливался черной желчью уязвленного самолюбца.

Входную дверь в подъезд Кармен открыла пожилая и, по обыкновению, участливая консьержка Паула:

– Buenos días, señorita. Que placer de verle de nuevo[10], – промолвила она, услужливо сопровождая молодую красивую женщину, и, оказавшись у двери лифта, растягивая губы, заговорщицки прошептала: – Él ésta aquí[11].

«Господи, что за мир? Все знают обо всех всё», – про себя усмехнулась Кармен и нажала на кнопку подъема кабины. А Паула ни о чем не подумала. Ее бесхитростный ум был преимущественно занят решением лишь одной задачи – как бы сэкономить для пропитания многочисленной семьи лишний песо.

Что толку пытаться представить себе жизнь этих недосягаемых людей, окруженных слугами, роскошными особняками и автомобилями. Всегда одетых в дорогие платья и костюмы. Пахнущих дорогим парфюмом, стоимость одного фла-

---

[10] Добрый день, сеньорита. Какое удовольствие видеть вас снова (исп.).

[11] Он уже здесь (исп.).

кона которого превышала весь ее месячный заработок?

Она могла только улыбаться этим не знавшим тяжких забот небожителям, будто сошедшим с экранов гламурных кинофильмов, придуманных в Голливуде, и смущенно приветствовать их, рассчитывая увидеть в ответ поощрительную улыбку, а может быть, и услышать ободряющие слова. Иногда, в минуту хорошего настроения, эти люди протягивали ей банкноты с высоким номиналом, и тогда она была рада проявленному милосердию и низко кланялась, обещая молиться за их доброту.

Поднявшись под крышу элитного дома, Кармен своими ключами отомкнула дверь и перешагнула порог квартиры своих тайных свиданий, за которым увидела опостылевшего ей любовника, которого поприветствовала, произнеся что-то наподобие «Неу».

К этому моменту Хосе Эстебан утратил весь свой пыл и вместо слов негодования, которые он намеривался обрушить на голову своенравной красавицы, лишь пролепетал:

– Estoy muy alegre de verte. Te estaba esperando tanto tiempo[12].

Не удостоив его ответом, молодая женщина прошлась по квартире, на ходу отмечая, что она хорошо прибрана и декорирована цветами, расставленными повсюду в высоких вазах. Значит, ее очень ждали, готовились, беспокоились. Увиденное ей понравилось.

---

[12] Я так рад видеть тебя. Я так долго ждал тебя (исп.).

«Она владеет моим разумом. Я ничего не могу ей противопоставить. Даже упрекнуть ее, как она того заслуживает своим поведением, не могу», – с огорчением признался себе Хосе Эстебан. Решив, что промолчать лучше, чем сказать торопливое слово, о чем он мог бы в дальнейшем пожалеть, сеньор Корвальо подвел женщину своей мечты и мучительных переживаний к столу с закусками, выбрал бутылку белого вина эксклюзивной марки «Pulenta Estate», наполнил до половины два высоких бокала и протянул один из них своей капризной любовнице.

– За нашу любовь на долгие годы, – с пафосом произнес он и потянулся к губам Кармен, которая слегка отстранилась, предпочитая вначале отпить пару глотков вина. После чего подцепила на десертную вилочку маленький кусочек мякоти ананаса и отправила его в рот, и только после этого позволила своему нетерпеливому любовнику прикоснуться к ее губам. Но лишь на мгновение. Причем губы вытянула в трубочку так, будто целовалась с инфекционным больным.

У нее не было желания лишний раз демонстрировать свое презрение к жаждущему плотских утех мужчине. Совсем нет. Такой мысли в голове у нее не возникло. Просто сделала это больше инстинктивно, подчиняясь требованиям общего правила, которое гласит, что вначале должна состоятся лирическая прелюдия перед тем, как отдать свое тело в чужие руки.

После короткого поцелуя Кармен отошла от стола и, ниче-

го не говоря, направилась в спальню. Хосе Эстебан поплелся за ней следом. Ее больше не забавляло ни угодничество перед ней ее начальника, ни повторяющиеся раз за разом стандартные знаки внимания, к которым она притерпелась за два года. С нее довольно. Единственное, чего она хотела в данный момент, – это сократить время свидания и отделаться от назойливого ухажера.

Кармен Долон принялась медленно расхаживать вокруг раскидистой овальной кровати, подходя то к туалетному столику с выставленным над ним большим зеркалом в резной раме, то к широкому креслу, и везде разбрасывала свою одежду. Расстегивала одну за другой пуговицы и последовательно снимала: вначале жакет, потом блузку, юбку, пока не осталась в кружевном пеньюаре черного цвета, нейлоновых чулках с резинками и лакированных красных туфельках. На своего любовника она не обращала никакого внимания. Нравится ему смотреть, как она раздевается, – пусть смотрит. Пытается одновременно судорожными движениями стянуть с себя брюки? Пусть стягивает. Ей, право, все равно. То, что должно случиться, – пусть случится, а потом она забудет обо всем, что было, до следующего раза, как об очередном досадном эпизоде в своей жизни.

«Она обворожительна», – не мог оторвать от нее своего восхищенного взгляда Хосе Эстебан, стараясь унять возникшую в теле нервную дрожь. И так происходит каждый раз, когда он видит рядом с собой эту удивительную женщину. В

своем костюме, затянутом под самый подбородок галстуке и расстегнутых брюках он выглядел явно нелепо и прекрасно отдавал себе в этом отчет:

«Не любящая других, но позволяющая себя любить. Как к месту сказал о ней и о таких, как она, поэт Мануэль Гонсалес Прада:

Corazón que siempre fuiste
Bendecido y adorado
Tú no sabes, ay! Lo triste
De querer no siendo amado»[13].

Между тем Кармен подошла к постели, поправила большую пуховую подушку, чтобы ей было удобнее лежать, и вытянулась на любовном ложе, закинув руки за голову.

«Пусть себе смотрит и повторит для меня свои дежурные признания, которые я знаю наперечет. Только бы побыстрее». Ни дать ни взять приносящая себя в жертву «Маха обнаженная» с картины Франсиско Гойи.

«Теперь она моя. Я закрою глаза на ее холодность и лукавство. Мне нужна только ее возвышенная порочность». Хосе Эстебан принялся покрывать вожделенное тело торопливыми колючими поцелуями, стараясь заполучить все и сразу. Он хотел быть и там, и прикоснуться здесь. Трогать, щупать, смотреть на то, что делало его счастливейшим человеком на

[13] О благословенное и обожаемое сердце, ты не знаешь, какая жалость, кого и когда любить (исп.).

земле.

– Ты мое чудо, счастье, восторг, воплощенная мечта, – шептали его губы. Пожилому любовнику надо много стараться, чтобы угодить молодой требовательной женщине. Прошли лучшие годы, состарились чувства, увяли несбывшиеся надежды. Непросто вернуться в молодость, когда за спиной надменная властная жена, взрослые эгоистичные дети и карьера с ее условностями и обязательным кодексом соответствия.

Кармен было скучно. Для разнообразия она попыталась представить, что рядом с ней не этот маленький назойливый «abuelito», а близкий ее сердцу молодой красавец Антонио Бекетов. Ничего не вышло, уж слишком явственно слышалось учащенное сопенье Хосе Эстебана и ощущалось его бестолковое ерзанье по ее телу. Наконец она увидела, как нависшее над ней лицо мужчины покраснело, как это бывает у бегуна, заканчивающего длинную дистанцию. Раздалось нечленораздельное мычание, и, дернувшись в последний раз, директор департамента нефтяной компании отвалился в сторону, чувствуя себя на седьмом небе.

Вернувшись домой, Кармен Долон долго стояла под теплыми струями воды, которые ласкали ее тело, снимая накопившееся за день напряжение. Голова прояснилась. Упреки за свое поведение, которыми она награждала себя на обратном пути, сидя за рулем автомобиля, уже не казались ей справедливыми. В конце концов, она выстраивает

свою жизнь так, как это делают многие красивые женщины, прекрасно осознающие свои физические преимущества. Уж лучше так, чем прозябать всю жизнь в бедности.

Она не торопилась покидать душевую кабину и все намыливала и протирала большой мягкой губкой свои бедра и промежность, будто хотела окончательно освободиться от чего-то скверного и чужеродного, вопреки ее воле проникшего в нее.

А под утро, неожиданно, как скатившийся с высокой горы валун, у ее постели возник Антон Бекетов, принеся с собой запах дальней дороги, смешанный с легким амбре недавно выпитого виски. Его волосы сохраняли свежесть зеленых просторов, еще недавно бывших его домом, и ей было приятно вдыхать их луговой аромат.

Кармен была рада его приходу. Рада была оказаться в его горячих объятиях и услышать его поставленный бархатистый голос, который как никакой другой трогал ее взбудораженное сердце. Она любила, как ей казалось, этого непредсказуемого человека. Искала и не могла найти то волшебное лассо, с помощью которого можно было бы взнуздать этого горячего скакуна и заставить его наконец покориться ей.

Короткий сон помог Кармен Долон вновь ощутить себя посвежевшей и быстро привести в порядок душу и тело. Закончив утренние процедуры, она закрыла квартиру и, усевшись в кабриолет, была уже готова вставить ключ в замок зажигания, чтобы запустить двигатель и отправиться в дорогу

в офис, когда случайно пришедшая в голову мысль неприятно поразила ее и заставила на несколько минут безвольно положить руки на рулевое колесо: «Двое мужчин за один день – это уже слишком. Я что – проститутка, чье единственное призвание – удовлетворять их низменные потребности?». Нет, сегодня она на работу точно не поедет, и пусть Хосе Эстебан сам решает, как ему быть. Звонит, упрашивает – она ему ничего объяснять не будет, а он пусть лучше промолчит и скроет свое раздражение.

Кармен Долон развернула автомобиль в сторону международного аэропорта «Эль Дорадо», рядом с которым на восьмидесятой улице проживала ее подруга еще со времен учебы в Национальном университете Боготы – Даниэла Васкес.

Этот окраинный городской район, разумеется, не отличался особой престижностью. Близость огромной воздушной гавани, где огромные авиалайнеры со всего света круглосуточно разогревали свои двигатели и шли на взлет, накладывала неизгладимый отпечаток на уклад жизни жителей прилегающих кварталов. Они привыкли к звуку ревущих авиационных двигателей, к грохоту дальномеров, выстраивающихся в муравьиную цепочку, чтобы скинуть доставленные грузы в таможенные склады. Не обращали они внимания и на подозрительные цветные дожди, заряженные окислами от выработанного топлива, которые время от времени сыпались на их головы.

Здесь, в атмосфере транспортной круговерти, в некази-

стом многоквартирном доме в четыре этажа с огромными фронтальными окнами, проживала однокурсница Кармен. Факт тем более удивительный, что, согласно всем устоям колумбийского общества, Даниэла никак не должна была оказаться в этом убогом месте, так как происходила из состоятельной креольской семьи голубых кровей.

Выпускницу престижного юридического факультета жизненная дорога должна была привести как минимум в кабинеты министерства иностранных дел или юстиции, а то и в апартаменты резиденции самого президента республики. Не меньше. Но, видимо, судьба для каждого всегда припасает самые неожиданные сюрпризы и повороты.

Кармен всегда немного завидовала уму и интеллигентности своей подруги. Единственным, что ее успокаивало, было осознание своих собственных преимуществ, правда, из другой области. Она была первой красавицей университета. Самым ценным качеством Даниэлы было, несомненно, врожденное умение проявлять искреннее сочувствие к человеку, оказавшемуся на пороге тяжких жизненных испытаний. Если уж кому и можно было раскрыть свою душу и вдосталь выплакаться, то таким человеком являлась, несомненно, сеньора Васкес.

Даниэла не удивилась неожиданному и столь раннему приходу Кармен Долон. Если человек звонит в такой неурочный час и просит о встрече, то ясно, что у него имеются для этого весомые причины. Поэтому она на скорую руку раски-

дала по квартире неприбранные после ночи вещи, засунула в посудомоечную машину гору немытых тарелок и чашек, повозила по мебели щеткой для удаления пыли и под конец обновила в туалетной комнате озонатор воздуха. Квартира для приема гостей была готова. Теперь нужно было вытряхнуть себя из ночной сорочки и засунуть в облегающие голубые джинсы. Волосы можно небрежно стянуть в «хвост» и перевязать красным шнурком. Времени на макияж уже не оставалось, тем более что раскапризничалась в своей кроватке годовалая Доротея.

С собой Кармен принесла атмосферу основательно подзабытых запахов большого мира. Много блеска, много краски и много моды в облаке дорогого парфюма. Зачмокали приветственные поцелуи, слизывая с щек пудру, и со скоростью пишущей машинки застрекотали женские восторги и восклицания:

– О, Кармен, ты совсем не изменилась, – это к тому, что Даниэла Васкес видела свою подругу последний раз год назад. – Еще краше стала. Как тебе это удается? Как личная жизнь? Вышла замуж? Как Каролина? – вопросы сыпались как из рога изобилия и пластовались один за другой, что предполагало, что разговор затянется на несколько часов.

– Дорогая, ты слишком добра ко мне. У меня сегодня абсолютно офисный вид. Ничего особенного, но на работу я не поеду. Вот к тебе приехала. Соскучилась. А Каролина совсем взрослая стала. Ей почти пятнадцать. – Кармен сделала

вид, будто намеривается заглянуть к себе в дамскую сумочку. Она явно не торопилась переходить к главной теме, ради которой так неожиданно вспомнила о своей подзабытой подруге: – Ну а у тебя какие изменения? Все нормально? Как дети? Как твой муж, Анхель Луис?

Хотела ли Кармен действительно знать подробности личной жизни своей подруги? Скорее всего да, поэтому она и приехала к ней. Кармен Долон всегда занимал вопрос: почему Даниэла решила пренебречь традициями своей семьи и порвать отношения со своим кругом людей успешных и состоятельных? И как случилось, что она вышла замуж вопреки воле матери и отца, своих братьев и сестер за никому неизвестного паренька из рабочих предместий, с которым однажды познакомилась на школьном празднике? Почему она живет с ним уже столько лет и мирится с ограниченным достатком, который весь уходит на содержание семьи? Почему решилась родить от этого человека третьего ребенка, несмотря на то что живут они весьма небогато, мягко говоря? Вот, кстати, с этой темы лучше всего и начать беседу.

– Кстати, Даниэла, а ты мне не покажешь свое новое сокровище, эту бесценную крохотулю, Доротею?

– Конечно, – простодушно ответила та. – Надеюсь, она еще спит. Пойдем в детскую комнату.

Обе женщины подошли к маленькой кроватке и некоторое время наблюдали за спящим ребенком. Доротея спала

глубоко, скинув одеяльце, и лишь время от времени шевелила пухлыми пальчиками и надувала пунцовые щеки.

– Она прекрасна. – Кармен была искренне в своем восторге, лицезря маленькое чудо. Каких-то четырнадцать лет назад собственная дочь так же радовала ее материнское сердце и наполняла его признательностью к мужу, но Эктора Альберто с ней теперь нет. Он далеко. Строит свою собственную судьбу отдельно от нее в Соединенных Штатах.

Решающее преимущество развода в том, что он возвращает свободу и дает возможность попытаться начать все сначала. Вот она и начала. До сих пор не очень удачно, но кое-какие жизненные позиции уже завоеваны. Правда, кроме главной. С ней нет того, о ком она могла бы горделиво сказать: «это мой муж».

– Ну а как твой Анхель Луис? – Кармен Долон быстро подняла и опустила глаза, лишь мельком взглянув на подругу. Она не хотела, чтобы та заметила в них не совсем обычный женский подвох. Нет, она не ожидала услышать от Даниэлы признание в том, что та тоже, как и она, ошиблась в своем выборе спутника жизни. Не это, абсолютно не это. Из ответа своей подруги Кармен надеялась понять, как могла она, умница и блестящая выпускница юридического факультета, пойти на такой рискованный шаг. Неужели ее чувство к неприметному пареньку оказалось сильнее чем привязанность к родным и друзьям и сытая, без нужды, жизнь?

– А, Анхель Луис? – переспросила Даниэла, ничуть не

удивившись прозвучавшему вопросу. – Он сейчас на работе. У нас ведь небольшая фирма по ремонту компьютеров. Так вот, он там проводит почти весь день.

– А денег хватает?

– Денег хватает. Правда, не на все, но если подкопить, то вполне. Вот сейчас, например, мы намерены обновить школьную форму для наших мальчиков. Гимназия вводит новые правила, и родители должны подготовить детей к этим изменениям.

– Я готова помочь, – встрепенулась Кармен. – Ты не откажешься?

– Спасибо. Не надо, – очень спокойно, без признаков внешнего раздражения ответила Даниэла. – Мы ни в чем не нуждаемся, да и мать моя нас не забывает и периодически на дни рождения своих внуков делает им денежные подарки. Так что у нас все хорошо.

– Я рада это слышать. Ты извини меня, если я что-то не к месту сказала и чем-то обидела тебя. Я этого не хотела. – Кармен чувствовала внутреннюю неловкость за проявленную, как оказалось, неуместную благотворительность. Ею двигало любопытство, и она безотчетно следовала за ним.

– А ты все так же сильно, как и раньше, любишь своего мужа, Анхеля Луиса? – Это был главный вопрос, с которым, собственно, и приехала Кармен. В это безалаберное утро, насыщенное свежими угнетающими ее воспоминаниями о прошедших дне и ночи, когда она принадлежала сразу

двум мужчинам, она особо нуждалась в чужих женских откровениях, из которых надеялась понять самое себя и свое поведение. Так ли уж она порочна, как иногда в досаде думала о себе?

– У нас с Анхелем Луисом самые добрые отношения, – просто, не красуясь, ответила Даниэла. – Мы хорошо понимаем друг друга, и нам интересно быть вместе. Он нужен мне, а я нужна ему. Иногда я даже угадываю наперед, что он скажет. Ты думаешь, что это взаимодополнение друг друга, а я считаю, что это взаимопроникновение. Знаешь, когда-нибудь и я, если доведется, хотела бы повторить слова, произнесенные Луизой, вдовой наполеоновского маршала Ланна, когда она отвергла предложение руки и сердца от очередного поклонника: «Я была женой Ланна, а потому принадлежать другому не могу». Конечно, мы люди маленькие, но чувства у нас такие же глубокие и крепкие, как и у этих французских аристократов девятнадцатого века. Я люблю Анхеля Луиса и знаю, что он любит меня. И я счастлива.

Кармен смутилась: «Говорит как гордячка. Рисуется передо мной своей любовью. Ведь догадывается наверняка, что о своем личном счастье я не могу ничего сказать. Не дается оно мне в руки, как непокорная жар-птица». Чтобы не выдать поднявшееся в ее душе смятение, вызванное словами Даниэлы, она засыпала подругу новой порцией вопросов:

– Это замечательно. Я так рада за тебя. А как с твоей работой? У тебя же трое ребятишек. Бездна забот. Думаю, на

саму себя, дорогую, времени у тебя не хватает. Не тоскуешь ли по светской жизни? В свое время ты не отказывалась от нее. Я хорошо помню. Да наверняка и свои юридические познания крепко подзабыла?

– Ты знаешь, нет. Все юридические вопросы на фирме мужа я беру на себя. Работаю в основном дома, пока Доротея и мальчики не подрастут. А потом, когда дети станут самостоятельными, вернусь к работе в нотариальной конторе. Ты не забыла, что я дипломированный нотариус? И стаж небольшой у меня есть. Вот таковы мои планы. А светская жизнь? Не знаю, что сказать тебе. Я не тоскую. Она осталась в моем прошлом, но меня вполне в данный момент устраивает окружение моего мужа. В нем есть замечательные люди, и мы дружим с ними. Но что это мы говорим все обо мне. Ты-то как живешь? Кто твой близкий мужчина? Замуж вновь не собираешься?

Даниэла встала, чтобы подогреть остывший кофе и подложить на блюдо бокадильос[14].

– Пока что нет. Нет достойного кандидата.

– Ну да, конечно, так я тебе и поверила, хотя знаю, какая ты у нас переборчивая, Кармен. Я помню, как наши мальчики в университете обожали и боялись подступиться к тебе. Ты ведь была королева. И сейчас выглядишь блестяще. Я всегда немного завидовала твоей красоте и власти над мужчинами. Это правда.

---

[14] Бутерброды.

– Так и не так.

Кармен почувствовала необоримое желание вывернуться перед этой скромной и обремененной житейскими заботами женщиной и открыть ей самые сокровенные тайны своего измученного сердца. Ей показалось даже, что она начинает завидовать простому человеческому счастью Даниэлы. Большая семья. Много детей. Ежедневная борьба за жизнь, и, главное, рядом любящий мужчина, ее муж, которым она явно гордилась. Разве все это нельзя назвать везеньем? Чем же она, Кармен, так обидела судьбу, что она так к ней немилосердна?

– Я буду с тобой откровенна. Даниэла. Во всем. – Час истины настал. – У меня есть близкий мужчина, и даже не один. Ну как, ты удивлена?

– Нет, хотя, наверное, немного да. Ты говоришь, не один? – Глаза Даниэлы расширились, а лицо ее неожиданной гостьи вдруг покрылось розовой краской нервного румянца, который проступил даже сквозь плотный слой макияжа. Так вот почему приехала Кармен. Она нуждалась в исповеди. Стало быть, ее университетская подруга хотела бы услышать, что и у нее в семье не все гладко и сладко. Ведь так часто бывает, что знание о том, что у близкого человека не все складывается и есть свои проблемы, успокаивает его близких друзей. Странно устроена душа человека. – И сколько их у тебя?

– Двое, только двое. – Губы Кармен скривились в гримасе,

и она открыла свою сумочку, чтобы достать пачку любимых дамских сигарет «Vogue». – Ты, наверное, хочешь знать, как это вышло? Так вот, отвечаю: обыкновенно. Так бывает. Само собой. Уже после развода. Мне, чтобы получить престижное место в нефтяной компании, пришлось отдаться директору департамента. С тех пор мы периодически встречаемся. После его визитов я оттираю себя в ванной мочалкой, словно ко мне прилипла грязь. Стою под струями воды и думаю: по крайней мере у меня есть хорошая гарантированная заработная плата. Ведь Каролину надо растить. По этой причине я с ним. Хотя справедливости ради могу сказать, что этот мой любовник – безобидный человек, готовый следовать моим капризам. Противно? Нет? А потом в моей жизни появился Антонио. Он бизнесмен из России. Вот так я и живу с двумя мужиками, давая каждому то, что они заслужили.

– А как Каролина? Сейчас она все понимает. Взрослая девочка.

– Антонио у нас в доме частый гость. Поэтому она его знает. Ну, а о второй своей жизни я, понятное дело, ничего ей не рассказываю.

– Ну, а кого из них ты любишь, Кармен? – Даниэла старательно подбирала слова, чтобы ненароком не обидеть свою университетскую подругу.

– Отношения с боссом тяготят меня. – Кармен затянулась сигаретой и, вытянув подбородок, выпустила вверх струю сизого дыма, вслед которой подняла указательный палец и

покачала им из стороны в сторону, то ли для того, чтобы разогнать расплывавшееся в воздухе белое облачко, то ли таким жестом хотела показать, что связь с начальником – лишь необходимость и не более того. – Мне все время кажется, что я делаю что-то не то. Ненужное. Скверное. Перед каждым свиданием с ним я уговариваю себя, что так нужно. Все ради дочери и безбедной жизни. Тебе признаюсь, что я всегда боялась трудностей, боялась бедности, и хорошо помню, как моей матери и троим сестрам было непросто, когда умер мой отец. Потом все выправилось. Как-то постепенно, незаметно для нас, детей. Со временем я поняла, что у матери появился богатый любовник. Теперь я понимаю, что он был, по сути, добрым человеком, и поэтому перебоев с деньгами наша семья больше не испытывала. Если ты помнишь, моя мать была яркой женщиной. Не просто красивой. В ней было нечто, что всегда притягивало мужчин. Некий вызов, уверенность в себе, внутреннее достоинство, то, что называют странным словом «харизма». Как говорится, с женщиной, твердо убежденной в своей неотразимости, мир соглашается. Во мне такого нет.

– А как с Антонио, этим русским? – спросила Даниэла, понимая, что надо дать Кармен возможность выговориться.

– Антонио? Это интересный человек. Очень интересный. Сильный, умный, может быть, даже необычный, во многом непохожий на здешних мужчин. Он очень ласков со мной. Находит такие слова, какие я никогда и ни от кого в жизни не

слышала и, наверное, уже не услышу. Во всем щедрый. Возможность опереться на его сильную руку стала бы для меня большим счастьем. Но я думаю, что это только мечта. Неуловимая, несбыточная. Иногда налетит, закружит и опять исчезает. Я знаю, что он деловой человек и что в прошлом в России у него была сложная жизнь. Здесь, в Колумбии, ведет изумрудный бизнес. Удержать в руках такого человека я не смогу, и это очень печалит меня. Вот и все, что я могу рассказать о моей личной жизни, но хочу добавить: из того, что меня страшит, самым грустным является то, что безостановочно бегут года, – ровным голосом, может быть, даже чересчур монотонно, продолжала излагать свою исповедь Кармен. – Мне уже тридцать четыре. Для женщины это целая жизнь. Каждое утро я с тревогой всматриваюсь в зеркало и ищу на лице и шее новые морщины. Уже целых два седых волоса выдернула. Я боюсь остаться одна. Каролина вскоре станет совсем взрослой. У нее будет собственная жизнь, в которой для меня будет мало места. Ты не обижайся, Даниэла, но я тебе где-то завидую. Хотя бы тому, что у тебя уютный дом, дружная семья и много детей, и не в последнюю очередь тому, что муж тебя любит и считает единственной на свете. Такого у меня никогда не было и не будет. Такова моя незамысловатая история, но лучшей у меня нет.

– Ну что ты, Кармен. – Даниэла участливо положила свою руку на прикрытое дорогим изумрудным браслетом запястье подруги. – Не все так плохо. Ты молода, необычайно при-

влекательна. Не стоит грустить. Не мне судить, но думаю, что такая яркая женщина, как ты, просто не может принадлежать только одному мужчине. Такое часто случается. Видимо, такова твоя судьба. У тебя все еще впереди, и ты еще увидишь, как все эти мужики сами приползут к твоим ногам и будут валяться у них, выпрашивая снисходительность как милость. Они ведь не знают, что мы, женщины, непобедимы в умении сдаваться.

Подруги рассмеялись и чокнулись бокалами, в которых в лучиках солнечного света переливалось искристое красное вино.

На душе Кармен Долон стало легче. Она с благодарностью смотрела на свою добрую и отзывчивую однокурсницу. Как хорошо, если о другом человеке можно сказать: «он мой друг».

Глава восьмая

Бар-ресторан «El Elefante» высвечивал красной неоновой вывеской на фоне закатного неба. Вечер был свободный. Последнее время дела у Антона Бекетов шли в целом неплохо. Последствия катастрофы на шахте удалось устранить без больших последствий, после чего она заработала еще лучше, чем прежде, вырубая из горной породы все больше драгоценных камней. В течение четырех месяцев поставки изумрудов на ювелирные рынки Парижа, Антверпена и Брюсселя приобрели регулярный, а главное, устойчивый характер. Теперь Антон проводил в узком пенале салона частного «Bombardier Challenger» больше времени, чем в своем офисе в отеле в Боготе. Улыбчивый светло-русый бизнесмен из загадочной Колумбии, всегда подчеркнуто хорошо одетый в дорогие костюмы по последней миланской моде, неизменно вызывал уважение со стороны европейских таможенных властей. К тому же он был щедр и ненавязчив и потому в короткое время сумел установить доверительные отношения с несколькими начальниками ночных смен, которые обеспечивали ему необременительное прохождение таможенного досмотра.

Любому приятно иметь дело с тем, который тебя понимает с полуслова, готов вникнуть во внутренние проблемы, а главное, оказать помощь в нужный момент. Финансовую, ра-

зумеется. Поэтому, когда юркий турбореактивный самолетик из Колумбии заруливал на VIP-стоянку, а к трапу подкатывал индивидуальный аэродромный перевозчик для особо важных персон в каком-нибудь Орли, на пункте пограничного контроля уже знали, что скоро они увидят элегантного молодого джентльмена с характерным тропическим загаром, с дорогим атташе-кейсом из блестящей крокодиловой кожи в руке, в котором, кроме кипы документов и досье на торговых партнеров, ничего другого не было. По крайней мере, таможенники хотели так считать и считали. Возможно. «Зеленый» коридор Картахена – Европа работал, и работал бесперебойно, не внушая подозрений официальным органам сразу нескольких государств и пополняя бюджет компании Антона, которая имела такое же оригинальное, как и его рудник «El Chorro», название.

Войдя в бар и спустившись по узкой каменной лестнице вниз, в основное полуподвальное помещение ресторана, Антон не мешкая направился прямо в сторону ярко освященного пятна, где располагалась стойка бара, за которой, как обычно, царствовала габаритная фигура Эдварда, хозяина сегодняшнего вечера.

– Хэллоу, Тони, – незамедлительно отреагировал тот, как только увидел взобравшегося на высокий барный табурет Бекетова. – Как твои дела? Как бизнес? Все в порядке? Что будешь? Как всегда?

– Привет, Эдди. Все о'кей. Налей-ка мне чистого

«Ballantine's» и дай бутылку минеральной воды без газа.

Бармен улыбнулся одними глазами и, вывесив в воздухе знакомую бутылку с зеленой этикеткой, принялся цедить из нее в стакан янтарную струю. Эдди недолюбливал Антона Бекетова. Нет, он ничего не имел против того, что тот время от времени захаживал в его бар. Клиент как клиент, но он интуитивно чувствовал, что между ними пролегает граница, которую вряд ли можно было измерить одними лишь финансовыми диспропорциями. Они общались друг с другом, говорили на ты, но для Эдди Антон был типичным гринго, уверенным в себе, светловолосым, состоятельным человеком, для которого его мир, мир простого ресторанного бармена, был лишь эпизодом в жизни, случайной встречей на незнакомой дороге.

Другой неведомый образ жизни, иные принципы, недоступная Эдди категория человеческого бытия. И в данный момент он лишь демонстрировал внешнюю вежливость по отношению к человеку, которого встречает у себя уже в не первый раз.

Бар, в котором царил полумрак, был почти пуст. Невидимые динамики тихо разливали по помещению лирическую мелодию, за несколькими столиками виднелись склоненные над тарелками фигуры. Основные посетители ожидались, как обычно, не ранее десяти вечера.

– Достаточно? – рука бармена выжидающе остановилась, наполнив полстакана.

Антон утвердительно кивнул головой.

– Кстати, Тони. Здесь сейчас находится твой знакомый публицист Кристофер Дидье. – Подбородок бармена вытянулся вперед, указывая направление к месту, где под кирпичным полусводом потолка за отдельным столиком разместилась одинокая мужская фигура.

Отправив Антона, Эдди взял большую салфетку и принялся протирать ею высокие стаканы для «хайболов», алкогольных коктейлей с кока-колой, которые в обязательном порядке просматривал на свет. Делал он свою работу тщательно, можно сказать, с любовью, так как часто дышал на стекло и вновь принимался орудовать белым полотенцем. В конце концов, он не отказывается от того, чтобы устроить общение между посетителями. Пусть они подольше пробудут в его баре, побольше выпьют и съедят, а значит, и его выручка увеличится.

– Добрый вечер, Крис. Как тебе читается в темноте? – Антон Бекетов со стаканом виски в одной руке и бутылкой с водой в другой навис над погруженным в чтение широко развернутой газеты человеком. Тот вскинул голову и, чуть прищурив глаза, воскликнул:

– О, Тони, ты откуда? Рад. Давай присаживайся ко мне. Ты что пьешь? Виски. Ну да, понятно, как обычно. Ну а я, пожалуй, закажу себе еще бутылочку «Совиньона». – Дидье махнул рукой, подзывая бармена.

– А ты, конечно, все читаешь свою «Диарио насиональ». –

Антон Бекетов расставил на столе принесенные с собой напитки и присел на стул, который ему ногой придвинул Дидье. Газета с таким названием не случайно оказалась в руках Дидье, так как он сотрудничал с ней в качестве свободного журналиста довольно продолжительное время и, надо сказать, весьма успешно. «Диарио насиональ» стремилась позиционировать себя в качестве представителя независимой свободной прессы и вовсю пропагандировала свои либеральные взгляды. Очевидно, эта линия редакционной политики вполне отвечала взглядам Дидье и его мировосприятию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.